

Владимир Силантьев

Ровесник СССР

16+

Владимир Иванович Силантьев

Ровесник СССР: Всюду

Вселенную я объехал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58143534

SelfPub; 2020

Аннотация

В книге ветерана-фронтовика рассказывается о событиях современности с точки зрения журналиста-международника, объехавшего много стран Западного полушария: от маленькой Никарагуа до могучей, развивающейся Бразилии. Автор делится с читателями впечатлениями и размышлениями о судьбе СССР, перестроечных реформ, а также рассказывает о событиях военного и послевоенного времени, в которых лично принимал участие. Книга иллюстрирована фотографиями из семейного альбома автора.

Содержание

ЧАСТЬ 1	4
ДЕД ЗЕМЛЮ ПАХАЛ	4
ОДНОКЛАССНИКИ	14
НАИВНЫЕ И ПРОВОКАЦИОННЫЕ	23
БЕЗРАБОТНЫЙ КОРОЛЬ	30
МОЯ ЛЮБОВЬ	34
ОСКОЛОК БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ	43
КОСТЕР ВОЙНЫ	47
ОТКУДА НАЧИНАЛСЯ БАЙРЕС	52
ПАМПА, КАСА РОСАДА, ЛОЛИТА, МЕНОТТИ	58
ЗОЛОТЫЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ	65
ВОПРОСЫ ЛЕНИНИЗМА	78
ЧАСТЬ 2	88
ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ	88
ПРИВОДНЫЕ РЕМНИ	96
КАНАДСКИЕ ПРЕРИИ	105
ДАЕШЬ КОНВЕРГЕНЦИЮ	110
НАРОДНЫЙ КАПИТАЛИЗМ	117
ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА	121
СИМВОЛЫ СТАЛИНСКОЙ МОСКВЫ	125
ГИБНЕТ СТРАНА	130
Конец ознакомительного фрагмента.	133

ЧАСТЬ I

ВОТ ТАК СЛУЧИЛОСЬ

ДЕД ЗЕМЛЮ ПАХАЛ

Когда едешь от Владимира в сторону Суздаля, то видишь вокруг весьма однообразную равнину. Ни овражка, ни рощицы... Разве лишь кое-где виднеется хилый кустарник. Давным-давно обжита тут русская земля, обильно политая потом и кровью. Справа, на востоке, не видно, где кончается суздальская равнина, а вот слева, на западе, отчетливо выделяется темно-зеленая полоса лесов. В них-то и спряталась наша деревенька со странным названием Чувашиха. Рядом находятся деревни и села с исконно русскими именами, а наша почему-то окрещена «иностранкой». Сколько помню, не жило в ней ни одного инородца. Население состояло главным образом из четырех семейств и их ветвей: Силантьевы, Фокины, Придорогины и Захаровы. Все говорили по-владимирски на «о». Моя фамилия произносилась «Силонтъев», с ударением на «о». В детстве нас с братом по фамилии прозвали «Сила мать носила».

Мой брат Анатолий родился в холодный ноябрьский день

в голодном 1919 году. Появился на свет в деревенской баньке, что стояла в огороде нашего крестьянского подворья. Баня была крохотная, без окошек. Шагнув внутрь, взрослый человек был вынужден пригнуться, дабы не удариться головой о притолоку двери. Топили баню «по-черному»: дым от печки из-за отсутствия трубы уходил через дверь. Стены внутри были покрыты толстым слоем сажи. И часто мы с братом, уже вымытые матерью, ненароком касались стены и получали нахлобучку. Нас снова приходилось обливать водой, а ее таскали ведрами из глубокого колодца. В бане рожали все женщины из рода Силантьевых. Сколько ребятишек появилось в ней на свет, не знаю. Всего же у моего деда Матвея было четырнадцать детей. Две мои тети с семьями жили на южной стороне Чувашихи. Дядя Александр, старший из детей деда, – на северной. На престольные праздники одна тетя приходила с гостинцами из Владимира, другая – с Собинки, ближайшей станции, где работала на текстильной фабрике Саввы Морозова. А многие Силантьевы, как и мой отец, уехали искать счастья в больших городах.

Путешествие из Москвы в деревню всегда было связано с нервотрепкой и приключениями. Мы жили у Даниловской площади, до Курского вокзала добирались на извозчике. Везли в деревню крупы, сахар, одежонку в подарок... Часть продуктов мать отдавала деду Матвею, часть обменивала у соседки на молоко, остальное – нам на пропитание. Выезжали месяца на три, на время школьных каникул. По-

возка извозчика едва вмещала все узлы, мешки и чемоданы. Я с братом восседал на узлах, рядом покоилась старинная корзина размером с чехол швейной машинки. В нее мы за-пихивали непослушного кота, прозванного матушкой весь-ма «оригинально» – Моська. Рыжий, с белыми поперечны-ми полосами, он смахивал на тигренка и выглядел весьма грозно. Но отличался простодушным характером. В отличие от других котов он не убегал от преследователя, а ложил-ся на спину, поднимал лапки кверху, приготовившись иг-рать. С Моськой приходилось гулять, как с собакой. Пробо-вали приспособить ему ошейник, но он ухитрялся из него вылезать. Лишь фабричного изготовления корзина с плот-ной крышкой и замком умиряла его нрав. Однако не прохо-дило и минуты, как мать кричала нам: «Откройте крышку! Задохнется кот!»

Как-то на Таганской горе нас стал обгонять трамвай. Уви-девшие кота пассажиры – мальчишки засвистели, пытаясь напугать Моську. Мать встревожилась, но не подала виду, крикнула: «Не свистите, дурачье! Кот ученый, из цирка, не убежит!» Гора кончилась, трамвай притормозил возле оста-новки, а мы благополучно доехали до вокзала. Теперь надо было ждать час, а то и более, ибо матушка требовала приез-жать загодя. Также загодя она готовилась к выходу из ваго-на по прибытии поезда на нашу станцию Ундола. Поезд по-чему-то всегда прибывал рано утром, когда все нормальные люди спят и трудно разомкнуть глаза. До Ундола еще две

остановки, а вещи уже перенесены в тамбур. Там в холоде дежурит Анатолий. А я с котом пока сижу и дремлю в теплом накуренном вагоне. Наконец остановка. Мать суетится, вытаскивает вещи и пересчитывает узлы и мешки. Теперь их надо перетащить через рельсы к старому станционному зданию. Тут на помощь приходит дед Матвей. О встрече они с матерью списались по почте за месяц до нашего отъезда. Не было случая, чтобы нас не приехали встречать. Проходило не менее часа, пока грузились, запрягали лошадь, проверяли, хорошо ли затянут хомут, не трет ли шею коню, привязаны ли веревкой сумки и узлы. Нас, маленьких, усаживали в центре телеги, накрывали тяжелым тулупом и приказывали спать до села Ставрова.

Село находилось на полпути до Чувашихи. Там нас будили, лошадь привязывали, рассупонивали и давали ей сена, иногда овса из торбы. Все поднимались на второй этаж чайной и долго отдыхали. Пили чай с сахаром вприкуску из больших чашек с блюдцами. Дед Матвей обычно задавал два-три вопроса о московской жизни: как, мол, живете-можете, как отец Иван, как растут детки-внучатки?

Когда мы подросли, сначала купили велосипед Анатолию, позже – мне. Путь на подводе от станции матушка проделывала одна с Моськой. Мы же укатывали на великах по тропинкам в Чувашиху. Однажды возница приехал с вещами, но без матушки и кота. Что случилось? Оказалось, Моська вылез из корзины и потерялся. Мать вернулась к вечеру,

огорченная, в слезах. Утром она разбудила Анатолия, накормила яичницей и послала искать Моську. Он проехал по дорогам до Ставрова, но вернулся один. На другое утро пришла моя очередь искать кота. Я честно проехал все деревни, где, по рассказу матери, мог сбежать наш тигренок, но кричать дурацкое имя Моська стеснялся. Раза два крикнул и увидел странно взиравших на меня парней. Еще побьют, подумал. На третий день матушка сказала:

– В печке я оставила щей и каши на два дня. Напекла пирогов. Ухожу от вас искать Моську. Когда вернусь, не знаю.

К вечеру она вернулась, и надо же! – с Моськой. Кот жил долго и умер у меня в ногах, когда я читал стихи Лермонтова. Вскоре мать завела собачку – белоснежного шпица. Возникла новая любовь. В октябре 41-го матери пришлось покинуть Москву, отправиться в эвакуацию в Казань, где служил брат Анатолий. О путешествии с собакой в поезде не могло быть и речи. И бросить ее на произвол судьбы мать, конечно, тоже не могла. Чтобы собачка не мучилась, умирая с голоду, мать ее удавила. Вот такой был характер!

Но я забежал далеко вперед. С деревней связаны милые детские и отроческие годы – пора безмятежной жизни и приключений. В ту пору заветной детской игрушкой был деревянный конь на колесиках. Его можно было без усталки катать и самим на нем кататься. Любимую игрушку брали в деревню. Мой двоюродный брат Санька смастерил мне игрушечную телегу с миниатюрными оглоблями, осями и колесами.

Санька же сшил игрушечный хомут для коня, изготовил дуги, обучал меня, как запрягать лошадь. В пору сенокоса мы с ним косили траву, сушили и укладывали в копны, а потом перевозили на игрушечной телеге в сарай. Я никогда не видел брата больным. Но он страдал эпилепсией и зимой в припадке умер.

Любовь к лошадям чуть не кончилась для меня трагедией. У деда Матвея был мерин по кличке Матрос. После коллективизации он стал колхозным, но закрепленным за дедом. Однажды дед разрешил мне прокатиться на телеге, запряженной Матросом, до картофельного поля. Мать возражала: холодно, а одет парень в обновку-матроску и новые башмаки. «Пушай прокатится, – увещевал ее дед. – Матрос – смирный конь, не зашибет!» Поле находилось за школой, возле дома дяди Александра. Старший сын деда был отделен одним из первых, но богатства не нажил. Ни вишни, ни яблонь в саду, даже перед домом не были посажены липы или березы. Семья считалась самой бедной в деревне. Мои многочисленные братья щеголяли в рваных штанах с заплатами, вечно босые. Помню, однако, что один из них позже стал актером, играл «социальных героев» в драмтеатре в Москве и был похож на популярного тогда актера Столярова, героя фильма «Цирк».

Матрос без труда тянул телегу с мешками, набитыми картофелем. Он должен был остановиться перед домом, стоявшим на склоне горы. Управлявшая Матросом женщина не

смогла удержать лошадь. Тяжелый груз давил на оглобли, на хомут. Мерин отступил на шаг-другой, и телега покатилась под гору. Внизу – речка Яхрома. Неглубокая, неширокая – повсюду ее можно было перепрыгнуть. Но тут, возле коровника, ее запрудили под водопой. Возвращавшиеся с речки парни крикнули мне: «Крепче держись!» А мне надо было, напротив, выпрыгнуть из телеги. Поверни Матрос чуть вправо, он свалился бы в овраг – самое страшное место в деревне, куда нам, ребятам, запрещали даже близко подходить. Мерин бежал прямо по тропке, приняв ее за проторенную дорогу. Он с ходу перемахнул через речку, распластался на берегу, а телега со мной оказалась на середине Яхромы и стала тонуть. К счастью, дно заросло камышом, и, цепляясь за стебли, я выкарабкался на берег.

Когда я подрос, возникли проблемы в отношениях с мамушкой. Она наказывала меня за поздние гулянья на «кругу», где танцевали и пели частушки деревенские парни и девочки. Я объяснял матери, что люблю музыку. Не действовало. «Купи мне гармонь, – попросил мать. – Буду сидеть дома и играть». Мое предложение и понравилось ей, и напугало. Где взять деньги? Вместо денег отдали будущий урожай антоновки из нашего сада. Тогда на деревенских гуляньях звучали владимирские «страдания», «Светит месяц», «Барыня» и другие нехитрые мелодии. Мне удалось одолеть премудрости двухрядки и выучить несколько песен. Их оказалось достаточно, чтобы прослыть деревенским гармонистом.

Для матери начались новые испытания, хотя она и гордилась мной. Теперь я еще дольше пропадал на «кругу».

В июле жители Чувашихи по традиции отмечали престольный праздник Космы и Дамиана. На него приходили родственники и знакомые из соседних сел и деревень. В полдень на главной улице начинался парад девичьих обновок. Девчата демонстрировали свое приданое потенциальным женихам и будущим свекровям и золовкам. Обновки каждый год менялись в зависимости от количества приданого невесты. Потом наступал черед застоля. Уличный шум перемещался в избы и продолжался до вечера, когда молодежь и взрослые снова высыпали на улицу, а на «кругу» кружились пары танцующих.

Парни пришли поздравить мать и меня с праздником еще в полдень. Они хвалили меня как хорошего гармониста и пригласили прогуляться. Однако на главную улицу не пошли, свернули в огород и остановились перед грядкой с огурцами и зеленым луком. Один достал из карманов чашки, другой – бутылку водки, ловко откупорил ее зубами и разлил всем поровну. Я отказался: мол, никогда не пил. Меня уговаривали, чтобы пригубил. Говорили, что рано или поздно, а начинать придется. Я пригубил и сразу поперхнулся, хотел выплюнуть горькую жижу. «Не выплевывай – хуже будет, стошнит!» – крикнул кто-то из ребят. Проглотил и не почувствовал опьянения. Спустя час меня «повело». Мать заметила неладное и догадалась, что случилось, заперла ме-

ня в клетки. Когда под вечер парни пришли за своим гармонистом, она их встретила ухватом. Престольный праздник был испорчен. Всю ночь у меня кружилась голова, тошнило. Это происшествие с печальным концом отучило меня пить водку на много лет.

Под новый 1939 год мне купили баян. И уже летом я отправился работать баянистом в пионерский лагерь. Вернулся из лагеря и вручил матери первую в жизни получку – что-то около 370 рублей. Она было расплакалась, но деньги вернула и сказала: «Купи себе, что душа желает». Я мечтал о патефоне и настоящем фотоаппарате. Денег хватило лишь на патефон и пластинки Вадима Козина и Клавдии Шульженко.

Наступил 1940 год – срок моего призыва в армию. Медкомиссия Москворецкого военкомата не увидела во мне богатыря и определила в пехоту – в полковую школу, где готовили командиров отделений. Лежал бы я где-нибудь под березкой на Смоленщине или в Подмосковье. Но судьба распорядилась иначе. Брат Анатолий окончил спецшколу и учился в артучилище в Ленинграде. Мне тоже захотелось поступить в военное училище. Подал заявление в военкомат. Шли недели – ответа не было. Пошел на футбол посмотреть матч любимого «Торпедо» со «Спартаком». До войны на стадион «Динамо» добирались на трамвае, а я пользовался личным транспортом – велосипедом. У северной трибуны сдавал велик сторожу и получал от него жетон с номером. После матча быстро получал свой тяжелый дорожный велосипед и с

ветерком через пол-Москвы возвращался домой.

Однажды приехал часа за два до начала матча, прогуливался по парку, читал объявления. Одно из них предлагало: «Молодые москвичи! Крепите ряды славной Красной Армии, поступайте в наше авиационное училище...» Сообщался адрес. Оказалось: училище рядом, за восточной трибуной «Динамо». Пошел разузнать. Дежурный сержант встретил радушно: «Паспорт с собой?.. Заходи, принесешь завтра. Заполняй анкету». Сержант послал меня на медосмотр. И вдруг в кабинете врача-ларинголога я узнаю, что, оказывается, училище готовит авиационных радистов. Женщина в белом халате, под которым скрывалась военная гимнастерка, долго изучала мое левое ухо и наконец сказала: «Не годитесь! У вас проколота барабанная перепонка».

Конечно, я расстроился, случайно узнав про свою болячку, и уехал в пионерлагерь баянистом. Возвратился – дома лежала повестка из военкомата. Приказ: срочно ехать в Ленинград – сдавать экзамены в авиатехническое училище. Я никогда не был в прекрасном городе на Неве, где, кстати, жил мой дядя Никита. И я подумал: хоть денек-другой побуду там, пока не попаду на медкомиссию к ушнику. А получилось так, что мы сначала сдавали экзамены, а медосмотр был формальным. Мои уши оказались в норме. Меня зачислили в училище, готовившее ... авиационных механиков. Им не нужен тонкий слух. Их музыка – рев авиамоторов.

ОДНОКЛАССНИКИ

На встрече одноклассников собралось чуть больше полу-дюжины выпускников 1940 года, в большинстве своем выпускниц. У всех были слезы радости на глазах. Столько лет не виделись! За столом в тесной небольшой квартире Нины Лобановой на Шаболовке стоял гвалт говорливых, как прежде, девушек, а теперь – бабушек. Мужчин было всего несколько человек. Имена многих выпускников значились на мемориальной доске, вывешенной на третьем этаже 540-й школы в память о погибших в Великой Отечественной войне. Там были имена не только наших товарищей по учебе, но и фамилии учителей – физкультурника Я. Акимова и директора школы Ф. Седова. Если бы добрые ангелы не заботились обо мне, моя фамилия также значилась бы на школьной мемориальной доске.

На встречу одноклассников пришел Сергей Циринский. Имя его отца, который учился вместе с нами, было выведено на мемориальной доске. Сергей никогда не видел отца. Он родился, когда отец уже был призван в армию, а вскоре погиб. Мы были единственными, кто сохранил память о Сережином отце, кто мог поделиться своими воспоминаниями о нашем дорогом товарище и однокласснике. Сергей благодарил нас за это, а мы называли его «сыном нашего класса».

Рассказывали на встрече всякое. Оказалось, что сидящие

за столом нынешние бабушки, во время войны им было 20–23 года, точили на заводских станках артснаряды. Другие ухаживали за ранеными в госпитале. Грустные рассказы прерывались воспоминаниями о любимых учителях, о веселых школьных историях. Я спрашивал бывших одноклассниц, что они думали о нас, мальчишках, в частности обо мне. «Непоседа», «Не давал прохода девчонкам», «Больно щипался»... Тамара Элкина рассмешила всех: «Володя отлично танцевал. У меня дома на вечеринке так отплясывал, что у него отлетела подошва. Выручил мой отец. Снабдил его своими ботинками, чтобы смог дойти до дому по морозу». Другие возражали: «Был серьезным, писал стихи».

Мы родились, когда горячие годы Гражданской войны, экономический хаос были позади. А впереди сияла заря новой, созидательной жизни, вселявшая уверенность в исходе гигантской битвы. Впереди, как позже оказалось, выдались почти двадцать лет мира. За это время мы выросли, успели окончить семилетку, а многие и десятилетку. Мы хорошо подготовились к труду. Но почти все со школьной парты вынуждены были пойти на фронт – воевать с фашистской Германией.

Наше поколение обвиняют в том, что мы были лишены свободы, подчинены единой идеологии, были «заорганизованы». Стараюсь вспомнить. Верно, один раз нас организовано повели в кинотеатр «Великан», что находился на Серпуховской площади, посмотреть киноленту. Нет, не о

революционерах-большевиках, например, «Юность Максима», не «Ленина в Октябре», не «Человека с ружьем», а кинокомедию «Веселые ребята». Мы дружно хохотали весь сеанс – от начала до конца. Хорошо, что среди нас был пионервожатый, отлично игравший на рояле. Он запомнил песенку-марш: «И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет».

Что касается воспитания из нас патриотов, нашей беззаветной любви к Родине, то здесь «виновны» дворяне – Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тургенев и другие. Достаточно было прочесть пушкинского «Дубровского», некрасовскую поэму «Кому на Руси жить хорошо», лермонтовское стихотворение «На смерть поэта», чтобы самому, без подсказки решить, на чьи баррикады встать. Мы не только читали наших великих классиков, но и писали сочинения о героях их произведений. Вот тут начиналась «организованность», никакой свободы. Напишешь хорошо – поставят четверку, а если плохо – двойку. Запоем мы читали «Овода» Войнич, а также «Как закалялась сталь» Островского. Политической литературы не помню. Вывешивали всюду лозунги к 7 ноября и Первомаю. Помню, как однажды канючил у отца и матери купить мне кусок красной материи, чтобы написать лозунг и повесить его на балконе. Мать чуть не плакала от досады. Ткани тогда продавались по карточкам. Тонкой дешевой хлопчатобумажной материи красного цвета в магазине не было. Только дорогой сатин. Мать мечтала об отрезе на

платье. Но под напором отца не устояла.

Моими любимыми учителями были математик Яков Федорович Чекмарев, преподавательница немецкого языка Нина Александровна Пигулевская и физкультурник Яков Никитович Акимов. Они были добрыми, беззаветными, красивыми людьми. Впрочем, аналогичные эпитеты я мог бы адресовать большинству наших наставников и директору школы. Ценили их не за внешность и хороший характер, а за умение преподавать, передавать знания.

Нашим учителям легко было раскрывать нам, в чем смысл жизни. Мы жили в эпоху удивительных открытий, подвигов, познания неведомого. Мы восторгались захватывающими воображение полетами чкаловцев через Северный полюс, первыми московскими троллейбусами и метро. На наших глазах преображалась Москва, вся страна.

Мы с братом с трепетом переступили порог новой школы. В ней было все, о чем мы могли только мечтать, — большой актовый зал, просторные светлые классы, огромный спортзал, и даже в подвале стояли токарные станки. Директор школы, рабочий с «Красного пролетария», показывал нам, как обтачивают детали, сверлят металл. Тогда было важно вместе с общеобразовательным обучением прививать молодежи производственные навыки. В стране развертывалась широкомасштабная программа индустриализации, строились шахты, домны, прокатные станы, станкостроительные заводы.

Мальчишками мы бегали к высоченной ажурной башне радиостанции (тогда имени Коминтерна) и гоняли мяч по полю, кое-где поросшему репейником. Со временем поле застроили кирпичными пятиэтажками, исчезли деревянные избышки, окружавшие нашу школу. Зимой мы становились на лыжи прямо у подъезда нашего дома на Шаболовке и катили без препятствий до Нескучного сада. Там на свой страх и риск катались с крутых гор, спускаясь к Москве-реке. С годами нам стали преграждать путь то новые корпуса станкостроительного завода «Красный пролетарий», то многоэтажные дома Академии наук.

Помнится, летом мы отправлялись к Калужской заставе – ныне площадь Гагарина. Там кончалась Москва. Миновав большое село, мы спускались с Воробьевых гор к реке, переплывали на другой берег и грелись, загорали на траве Лужников. Но потом в столице началось бурное строительство мостов и обустройство земляных берегов. Там, где мы купались, набережную заковали в каменные плиты, и, переплыв реку, на берег подняться стало невозможно. Изменялся облик города, менялись и наши увлечения. Когда пустили первую линию метро, мы спешили осмотреть все станции, катались вверх и вниз на эскалаторах. Царило необычайно радостное настроение.

Наш учитель математики, грузный мужчина, едва протискивался в классную дверь – мешали его живот и толстый портфель, в котором были наши тетради, изрядное коли-

чество учебников и пособий. Автором некоторых был сам Яков Федорович. Он требовал от нас знаний «выше школьной программы». Учитель покори́л нас с первого урока, когда научил умножать и делить пятизначные числа. «Если будете у меня учиться на пятерку, – говаривал он, – то непременно поступите в технический вуз». Однако, как мы ни старались, почти никому поначалу не удавалось получить оценку выше «хорошо». Математик ставил «отлично» лишь способным, трудолюбивым, научившимся решать его хитроумные задачки.

Частенько урок прерывался плаксивыми голосами девочек. Они жаловались, что домашняя задачка не решается. «Ошибочка в учебнике», – заключали робко девчата. «Не может того быть! – громко восклицал математик. – Неужто ни один молодец не осилил задачки? А где же был наш умник Верховцев?» Обычно сидевшего в темной стороне класса Юрия Верховцева не было на месте. Оказывается, он заболел. И тут вдруг поднимался Юра Петров или Юра Трунов, иногда и я, и несмело говорил: «Вот у меня ответ сошелся...» «Марш к доске! – командовал учитель. – Покажи свои семь пядей во лбу!» Требуя от нас знаний «выше программы», математик воспитывал в своих учениках уверенность в своих силах. «Воля и труд все перетрут», – любил говаривать он. Порой для решения его задачки требовались и впрямь семь лбов. Решали группой любителей математики, иногда долгими часами. Когда добивались успеха, договаривались,

кто пойдет к доске отвечать, чтобы наверняка получить «отлично». И так поступали по очереди.

В авиационном училище в Ленинграде я за семь месяцев до начала войны получил настоящую солдатскую подготовку и закалку. Другие, как Юрка Верховцев, не имели такой возможности. Высокий статный парень, страдавший близорукостью, записался ополченцем во время наступления немцев на Москву и в первых же сражениях погиб. Не знаю, успел ли он обучиться стрельбе из винтовки до отправки на фронт, обращаться с боевой гранатой, окапываться и прочим солдатским «премудростям». В школе многие из нас, мальчишки и девочки, сдавали нормы на значок ГТО («Готов к труду и обороне»). Нас обучали стрелять из малокалиберной винтовки, бросать гранаты, конечно без боевой начинки, ползать по-пластунски, совершать марш-броски. Юра, как «белобилетник», был от этого освобожден.

Погиб и наш преподаватель физкультуры Яков Никитич Акимов. Его фамилией открывается школьная мемориальная доска, на которой начертаны имена многих моих товарищей. Я не знаю обстоятельств гибели Якова Никитича, но уверен – он дрался самоотверженно, до последней капли крови. Коренастый, мускулистый, отличный лыжник и гимнаст, он снискал среди нас большое уважение.

Школа была для меня вторым домом. Утром – классные занятия, по вечерам – волейбол. Яков Никитич доверял нам ключи от спортзала, и мы «рубались» одни, допоздна. Од-

но время по вечерам в школе нас учили танцам: бальным и современным (фокстрот, танго, вальс-бостон). Дважды меня приглашала на вальс наша учительница немецкого языка Нина Александровна и похвалила мои танцевальные способности. Развлечений в школе было предостаточно. Как вспомнили однокашники, я участвовал в драмкружке и играл роль Скалозуба в «Горе от ума». Этого я не помню. Зато на школьной фотографии увидел себя в составе школьного джаз-оркестра. Им руководил десятиклассник Иосиф Михайловский, прекрасно игравший на фортепьяно и на чудо-инструменте – ксилофоне. Тогда джаз был очень популярен. По радио звучали мелодии в исполнении Государственного джаза СССР под руководством В. Кнушевицкого. В крупных кинотеатрах столицы играли джаз-оркестры, и мы ходили слушать их, пополняя свой репертуар. Я обычно посещал кинотеатр Парка культуры и отдыха имени М. Горького, что у Крымского моста. Там в голубых костюмах с белыми лацканами выступали музыканты под управлением Фельдмана. Они играли популярные американские мелодии: блюз «Луна», быстрое фокстротное сочинение «Охота на тигра» и другие. А часто исполнялись песни из идущего в тот день нового советского кинофильма, например из картины «Волга-Волга». В фойе можно было очень дешево купить ноты этих песен, в которых так нуждались мы – школьные джазисты.

В первую бомбежку Москвы в кинотеатр попала бомба,

он перестал работать. Вернувшись из армии в 1946 году, я так мечтал услышать любимый джаз – ходил в «Ударник», «Колизей», в другие кинотеатры. Но тщетно. Однажды на Крымском мосту встретил знакомого гитариста из джаза-оркестра Фельдмана. Он, конечно, не знал, кто я такой. Но я то запомнил его веселую улыбку и голос. Он ошеломил меня своим рассказом. Все джазисты записались в ополченцы и, как Юра Верховцев, погибли под Москвой. Гитарист остался жив – заболел перед отправкой на фронт.

НАИВНЫЕ И ПРОВОКАЦИОННЫЕ

Будучи корреспондентом «Комсомольской правды», в Лондоне я встречался с английскими школьниками и студентами. Трудно удержаться от улыбки, когда слышишь такие вопросы:

– Вы действительно русский?

– Да.

– Почему же ваши глаза не такие, как у монголов? Вы выглядите европейцем.

– Почти половина всей Европы находится в Советском Союзе!

– Неужели? Но вы пишете справа налево, как все азиаты, правда?

Что можно ответить на этот вопрос?! Ведь корреспондент «Дейли миррор», вернувшись из Москвы, писал: «Моя самая большая новость из России: люди выглядят там как все люди. У них определенно нет двух голов, и говорят они на человеческом языке».

А вот еще один диалог:

– Согласитесь, это ужасно плохо, что в России нельзя открыть частный завод?

– Что правда, то правда! Для частного бизнеса Россия – очень плохая страна. Но возможность критиковать оставляю за вами, ибо Шекспир сказал однажды: «Никогда не говори

о себе плохо, это делают твои друзья».

– Ого!.. – раздается всеобщий смех.

– Скажите, а русские имеют чувство юмора?

– Вы только что смеялись!

– О да, сами вы имеете чувство юмора. Но вы прожили в Англии несколько месяцев и стали наполовину англосаксом.

Снова взрыв смеха.

Немало наивных вопросов задали и молодые тори Норича. И все же осенью 1957 года чувствовались перемены в настроениях англичан. Консерваторы, воспитанные на ненависти к социализму, больше не верили в «коммунистическую агрессию».

– Если бы Россия хотела на нас напасть, – сказал один тори, – она сделала бы это сейчас. Англия и Америка беззащитны. Мы не имеем межконтинентальных ракет, какими располагают русские.

Слова о том, что нужны переговоры на высшем уровне, вызывали одобрительные выкрики из зала. Почетный секретарь организации Мэри Стивенсон заявила:

– Мы помним приезд советских лидеров в Англию. Молодые консерваторы поддерживают англо-советскую декларацию о мирном сосуществовании. Мы не верим в коммунизм, но иного выхода нет: необходимо сосуществовать...

Дискуссия продолжилась в пивном баре, куда меня пригласили будущие руководители норичского бизнеса. Юноши сняли пальто и плащи, и все предстали в темных костюмах,

белоснежных рубашках и ярких галстуках. Некоторые вместо галстуков нацепили «бабочки». Девушки были в одноцветных ярких свитерах, четко обрисовывавших линии их фигур. Лишь на одной было декольтированное платье. Мы разговаривали подле остывающего камина.

– Какие привилегии у русских комсомольцев? Они получают больше, чем обыкновенные рабочие?

– В Москве есть кинотеатры?

– Ваши спортсмены – лучшие в мире. Это правда, что всех русских, как солдат, насильно заставляют заниматься спортом?

Сердиться мне не положено, хотя так и подмывает высмеять этих молодцов. Как определишь: по наивности задают они подобные вопросы или провоцируют? Говорят вежливо, извиняются, что, мол, последует неприятный вопрос.

– Вам нравятся английские сэндвичи? – спрашивает паренек, протягивая тарелку с бутербродами.

– Разве они английские? Пшеница – канадская, ветчина – датская.

Я рассказал, что, впервые попав в Лондон, зашел в магазин купить себе что-нибудь на ужин. Кроме картофеля, молока, масла, там ничего не было английского. Но полки не пустовали: на них красовались горки ананасов, привезенных из Британской Гвианы, бананов из Африки, кофе из Колумбии, – можно перебрать все уголки колониального и полузависимого мира, чтобы закончить список. Меня перебивают:

– Старой Британской империи не существует. На ее месте создан «коммонвелс» – содружество наций.

– Все же у Англии осталось еще немало колоний.

– Да, но все они получают самоуправление. Прежде чем уйти из колоний, англичане должны научить туземцев управлять...

– За этим, стало быть, задержка? Чем вы объясните демонстрации англичан против зверских расправ в Африке?

– Очень просто! Провокация коммунистов! – не унимался паренек, угощавший сандвичами.

– Однако против этих расправ протестуют члены парламента – лейбористы. Их не назовешь коммунистами.

Разговор грозил достичь наивысшего накала. Вмешалась девушка в декольтированном платье и перевела разговор, казалось бы, в другое русло.

– Хорошо, русские считают нас грубыми колонизаторами, беспощадными капиталистами...

– Не только русские!

– Пусть будет по-вашему. Мы плохи, но признайте честно, – у англичан высокий уровень жизни!

– Конечно, в сравнении с африканцами, арабами, индусами очень высокий.

– Почему?

– Мне не хочется быть невежливым гостем, а правда, увы, не сладкая.

– Мы вас очень просим!

– Хотите, я вам расскажу историю, как покупал портфель на базаре в Каире? Портфель понравился мне тиснеными рисунками двух верблюдов, шагающих по пустыне. На любом базаре торгуются. Торговец, поняв, что я иностранец, заломил большую цену – шесть фунтов...

– Хитер! – восклицают молодые тори, знающие, что почему.

– Это было во время Суэца, – рассказывал я, – когда с огромной силой проявилась любовь египтян к Советскому Союзу. Узнав, что я русский, торговец снизил цену втрое. Мне казалось, что он, расчувствовавшись, продает портфель себе в убыток. Одна кожа, казалось, стоила дороже двух фунтов.

«Как можно себе в убыток?! – воскликнул продавец. – Выкладывайте два фунта, из них я положу себе в карман ровно половину...»

Тори громко рассмеялись: им явно нравился предприимчивый каирский торговец.

Я продолжал рассказ:

– Сколько же стоит кожа? – допытывался я у продавца.

– Кожа египетская, дешевая – четверть фунта, – последовал ответ.

– Сколько стоит труд мастера, сшившего портфель?

– Пустяки, тоже четверть фунта! – махнул рукой продавец».

Возле камина воцарилось еще большее веселье. Забыв о

колониализме, о высоком уровне жизни англичан, тори от души хохотали надо мной.

– Египтянин вас надул! – торжествующе заявила декольтированная девица. – Он положил себе в карман полтора фунта, а не один. Бедный русский! Египтянин сказал, что кожа и труд стоят всего полфунта. Где другая половина?

– Милая леди, этот же вопрос задал я хозяину лавочки. Он обиделся, то ли оттого, что я подозреваю его в обмане, то ли по другой причине. Отчаянно замахал руками, что-то крича на своем языке. Потом перевернул портфель и показал коротенькую молнию, на которую тот заперся.

«Куда делись еще полфунта? – зло кричал он. – Далеко улетели за моря, мистер! Видите эту жестянку? Дорогая, словно серебро. Английская, сэр!»

Воцарилась тишина. Слышно было, как шипит пиво в кружках и потрескивают тлеющие угли в камине. О чем думали тори? О, они умеют считать деньги и, очевидно, поняли из моего рассказа, какова степень эксплуатации колониальных народов. И не только египтян, индусов, африканцев, – всех, добившихся свободы, но пока еще находящихся в экономической зависимости у индустриального Запада.

Тот, кто бывал в некоторых азиатских и африканских странах после освобождения их от владычества Англии, никогда не забудет нищеты, оставленной колонизаторами. Матери в оборванных платьях держат на руках грудных детей и протягивают ладони к иностранцам. За их юбки цепляются

голодные малыши и тоже протягивают ручонки: «Плиз, мистер, плиз!»

На каждом углу: возле магазинов, гостиниц, кинотеатров – иностранцев подстерегают толпы чистильщиков обуви. Отцы и подростки умоляют: «Плиз, мистер, нет работы!» Турист показывает на уже начищенные до блеска ботинки, но чистильщики не отстают: «Плиз, мистер, сколько-нибудь... на хлеб детям».

Глупо было бы искать в английских магазинах египетские телевизоры, индийские пылесосы, аргентинские холодильники. Египтяне с гордостью рассказывали мне о том, что они начали индустриализацию с постройки завода по производству... обыкновенных гвоздей. А ведь раньше за них приходилось платить кипами хлопка.

Для производства туфель и свитеров тоже нужны машины, для машин – металл. Плодородны земли Нила! Но из брошенного в них гвоздя не вырастет домна.

Больше тори вопросов не задавали. Расстались вежливо.
(*Силантьев В. И.* Фог рассеивается. М.: Молодая гвардия, 1961.)

БЕЗРАБОТНЫЙ КОРОЛЬ

Есть у Марка Твена сказка о принце, который на время стал нищим. Это произошло с ним по недоразумению. Помните, как он был вынужден работать и что из этого получилось? Присматривал за стряпней – пирожки сжег. Стал мыть посуду – едва справился. Начал чистить яблоки – совсем оплошал.

Это сказка. А в наше время с королями происходят вещи и почище. Многие бывшие монархи очень завидуют марк-твеновскому принцу, который в конце концов вернулся в королевский дворец. Завидуют, потому что народы прогнали их и назад возвращать не собираются.

Вот такая история произошла с одним из бывших королей.

В Каире была обнародована новая конституция. Триста тысяч египтян, собравшихся на митинг, выразили твердую волю не допустить возврата власти колонизаторов и внутренних деспотов. Они горячо приветствовали конституцию молодой республики. Весть эта быстро пересекла Средиземное море и достигла берегов Италии. В Риме она удручающе подействовала лишь на одного человека – лысого толстяка с черной бородкой клином. Это был недавний тиран Египта, ныне экс-король Фарук. Три с половиной года назад он поспешно удрал из Александровского дворца, испугавшись

народного гнева.

Сначала Фарук поселился в фешенебельной вилле и водрузил над ней королевский флаг. Он надеялся вернуться в свои дворцы. Однако скоро богатые иностранные покровители отвернулись от Фарука. Они поняли, что ставят на битого короля, который стоит не больше шестерки. Остался Фарук без виллы и без гроша в кармане. Теперь он жалуется в журнале «Пикчур пост»: «Мы были богатым сюзереном. Мы жили в чудесных, сказочных дворцах – дворцах из “Тысячи и одной ночи”. Люди, совершившие революцию, отняли у нас наши богатства. Мелочь – вот все, что осталось у нас в кармане, когда мы покинули наш дворец...»

«Фарук ищет работу, – пишет журнал и спрашивает: – Но вот беда: что умеет делать король?»

Журналисты рассказывают, что, будучи у власти, Фарук больше всего любил есть, причем ел всегда на золоте. Он был крупнейшим египетским землевладельцем, которому принадлежало пятьдесят тысяч гектаров. Прокутив ночь, он отправлялся охотиться в пустыню. Когда ему стукнуло тридцать лет, Фарук, как и многие деспоты, потерял интерес ко всему, и только унижение подданных доставляло ему удовольствие.

«На что же годен Фарук?» – рассуждает «Пикчур пост» и предлагает ему стать... ювелиром. Ведь король должен понимать в драгоценностях!

Стал Фарук наниматься на работу к ювелиру.

– А вы, уважаемый, сможете отличить топаз от изумруда? – спрашивал его хозяин ювелирной лавочки, не зная, что говорит с бывшим королем.

– Ты смеешь смеяться, надо мной старик! – разгневался Фарук. – В моих руках побывало столько бриллиантов, жемчуга, серебра и золота, сколько не собрать во всех ювелирных лавках Европы.

– А вы сможете определить цену вот этой бриллиантовой броши? – допытывался хозяин.

– Я раздавал подобные безделушки направо и налево и еще больше получал их сам в подарок. Мне не было дела до того, сколько они стоят.

– Жаль, молодой человек! – ответил старик и показал королю на дверь.

Обратился Фарук в контору по найму текстильной фирмы.

– У нас нет работы, – отвечал ему агент. – Обратитесь в другие фирмы. Может быть, повезет... Какая у вас профессия?

– Я король Египта, – ответил Фарук самым серьезным тоном.

Раздался хохот служащих конторы. Уж очень забавной показалась им эта шутка.

– Негодяи! – закричал Фарук. – Я прикажу избить вас плетьюми.

Это вызвало еще большее веселье. Когда все вдоволь на-

смеялись, агент, решив, что имеет дело с сумасшедшим, поспешил наконец от него избавиться.

– Ваше величество, – говорил он, еле сдерживая улыбку, – наши дела идут очень плохо. В бедной Италии два миллиона безработных. Устроиться трудно, ваше величество. Но королевская воля – закон. Мы подыщем место, достойное короля, и сообщим вам.

Фарук ушел, но обещанной весточки не дождался. И хотя агент текстильной фирмы позже из журналов узнал, что перед ним был действительно король, он справедливо рассудил: ну кому нужна эта ходячая заваль? Какая от него польза?

Вот какие казусы приключились с королем, лишенным трона и власти! И не в сказке, а наяву.

(Силантьев В. И. // Комсомольская правда. 1956. 19 января.)

МОЯ ЛЮБОВЬ

На третий день войны мне исполнилось девятнадцать лет. В суматохе я и не вспомнил о своем дне рождения. Дома остались мать и отец, школьные друзья... Среди них не было девушки, которая бы мне нравилась, которой я мог бы писать нежные письма с фронта. Не скажу, что в школе не замечал добрых симпатичных девочек. Но ни одна из них не затронула моего сердца. Почему? Не настал срок? Возможно. Но мне кажется, в человеке есть особые амурные токи, которые дремлют до поры до времени и, лишь встретив взаимно притягивающий ток, начинают энергично реагировать. Начитавшись кавказских поэм Лермонтова, проштудировав и его роман «Герой нашего времени», я отчетливо представлял себе удивительной красоты «черкешенку», первую любовь Печорина. Мне снился ее тонкий и гордый стан, слышался нежный голос...

Мою первую любовь звали Катей. Мы встретились на фронте. Она была родом из Серпухова, дочерью рабочего Андриана Каталкина, отца большого семейства. Как говорится, я влюбился в Катю с первого взгляда. Лишь недавно я понял, почему так случилось. По телевидению показали старей-престарый фильм «Большой вальс» о жизни и творчестве Иоганна Штрауса. Я его видел до войны много-много раз. Ведь я считал себя музыкантом, в моем репертуаре бы-

ли модные тогда вальсы. Героиня фильма очень похожа на Катю. Тот же овал лица, те же губы, улыбка, ровные бело-снежные зубы. И щедрые брызги симпатии и радости. Мои чувства и память были запрограммированы принять в сердце только этот образ. Остальное «доделала» молодость. Она была у обоих целомудренной, безоглядной. Кате было двадцать, мне на три года больше. Мы встретились впервые в польской крепости Модлин, что стояла на берегу Вислы, затем наш полк и приданный ему батальон аэродромного обслуживания, в котором Катя была вольнонаемной работницей, перебазировались в Торн. Там мы отметили День Победы. Судьба свела нас как страстных влюбленных. Мы сняли в городе комнату, представившись хозяйке-польке супругами. Однако вскоре кончилась «вольница» военного времени. Мы, сержанты и ефрейторы, должны были ходить строем, да еще под песню, как безусые курсанты в училище. Словно и не прошли с боями от Москвы до Берлина, будто не сверкали на наших гимнастерках ордена и медали. Нас обязали жить и спать в казарме с положенными в одиннадцать вечера отбоем и ранним подъемом. Нашлись командиры-чинуши, обожавшие муштру. С грустными лицами мы попрощались с полькой, что сдавала нам комнату, и недоумевали, что делать дальше. Моя казарма находилась в одном конце города, а общежитие Кати – в другом. Встречались все реже и реже.

В ту пору в моей душе поднимался мятеж против солдатской муштры, против несправедливости, против офице-

ров-приспособленцев... Бунт выражался в стихах, которые я читал близким мне товарищам. Мне требовалось общение с людьми, которым бы я доверял. Но короткие встречи с Катей открыли мне простую истину: мужчине мало сладострастной любви к женщине. Человек нуждается в друге, собеседнике, который понимает тебя с полуслова. Мучительно было сознавать, что после долгих целований у нас не получалось разговора на тревожащие меня темы, более того – вообще никакого разговора. Катя молчала, тушевалась, не зная, что сказать.

Минули десятилетия. На последней встрече уже престарелых ветеранов-фронтовиков Катя болтала больше всех, сыпала шутку за шуткой. Это была другая Катя. Она прожила сложную и трудную жизнь. Нить нашей любви она порвала сама. После окончания войны я еще оставался служить в армии. Катя уволилась, вернулась в Серпухов и вскоре написала, что поддалась уговорам сестер и вышла замуж за летчика. Она уверяла, что он хороший. Просила не писать. Я был сражен таким неожиданным концом наших отношений. От нервного потрясения обострилась язва желудка, о которой я и не подозревал. Меня комиссовали, признав негодным к строевой службе, и демобилизовали.

Напряженная учеба в институте, казалось, должна была отвлечь от тягостных дум о разрыве с Катей. Среди студентов иняза было много симпатичных девушек и даже красавиц. Но никто не встревожил мою душу. Почти все студен-

ческие годы Катя держала мое сердце в своих руках и не позволяла до него кому-либо дотронуться. Хотя она была далеко-далеко, в Бухаре. Однажды я получил от нее письмо. Она сообщала, что разошлась с летчиком, осталась с сыном и поступила в институт. Разошлась потому, что муж оказался жестоким азиатом, ревнивцем, не позволял ей учиться. Я ей ответил. Делился с нею своими мыслями, воодушевлял учиться. К сожалению, она не сохранила мои письма. Я же до сих пор храню ее послания, написанные каллиграфическим почерком. Я был счастлив, когда она закончила институт и стала учительницей. Два раза она приезжала в Москву с черноглазым парнишкой, навещала родителей в Серпухове. Но потухшие угольки былого чувства не вспыхнули. Она переписывалась с моей матушкой и была в курсе моей жизни. Когда я женился, переписка оборвалась. Ее письма полны благородства, дружбы, за которыми пряталась большая любовь.

Любовь – самое великое чувство, данное человеку свыше. Не всем оно доступно, и никто не может приказать себе любить. Это чувство дается в благодарность, им надо дорожить. Уже потому, что я испытал это чувство, считаю свою жизнь счастливой. Свою вторую и последнюю любовь Елену я повстречал случайно в институтском коридоре. При чем при повторных встречах, любуясь ее искрящейся молодостью, переспрашивал, как ее зовут. И наконец пригласил ее пойти на... футбол. Играли любимое «Торпедо» с командой «Динамо». Домой со стадиона возвращались пешком.

Уж не помню, сколько времени мы шагали от стадиона «Динамо» до Сивцева Вражка, где жила Елена.

Возможно, не в тот раз, а позже я сказал: «Все ясно. Ты будешь моей женой!» И она стала женой, но спустя... три с половиной года. Сколько я мучился, терзался, писал ей стихи, полные горя и страданий! Но это были годы счастья. Елена твердила, что выйдет замуж не раньше, чем закончит институт (не уточняя за кого). И когда получила диплом в 1954 году, в день моего рождения, 25 июня, мы расписались в загсе на Дорогомиловской улице. И с тех пор отмечаем двойной праздник, поднимая бокал за годовщину нашей свадьбы и за мой день рождения.

Жена – визитная карточка мужа. Она должна быть красивой или симпатичной. О, как приятно мужу, когда на его жену заглядываются другие мужчины, приглашают танцевать и осыпают комплиментами... Я счастлив, – ведь испытывал гордость за Елену всю жизнь. Искренне могу сказать, что наравне с любовью, связывающей мужчину и женщину, наслаждался духовным единением. Нет, это не значит, что мы прожили жизнь тихо-мирно. Крупные разговоры на повышенных тонах происходили частенько. Но долго сердиться никто из нас двоих не мог. Хотя притирались мы друг к другу много лет и, возможно, по моей вине. Елена любит крепкие, сочные образные слова. Не ведая ее доброты, можно принять эти выражения за оскорбления. Так часто было со мной, когда я ухаживал за ней. Я обижался и прерывал наши отно-

шения. Глупец!

На самом же деле Елена, повторюсь, – сама доброта. Иногда я ревную ее за доброе отношение к сирым людям, хотя никогда не ревновал к другим мужчинам, что ее здорово удивляло.

О доброте, порядочности, нравственности Елены можно писать много. В церковь на богослужения она не ходила, но свечи за родственников и знакомых ставила регулярно. Проводила много часов на кладбище, ухаживая за могилами матери и многих покойных родственников и знакомых. Усталая, она под вечер еще обзванивала стариков, справлялась о здоровье.

Когда я ухаживал за Еленой, цветов не дарил. Тогда они были редкостью. Зато дарил теплые чулки, чтобы невеста не простудилась зимой во время долгих встреч и прощаний. И подарки уже жене не дарил. Предлагал истратить сколько душа желает, на что хочет. Благо в доме, когда я стал журналистом, всегда водились деньги. Я считал, что обоюдный рационализм – лучшее средство, цементирующее семейные узы. Я подарил Елене дорогую английскую шубу, как обещал, если родит сына. Она ее не носила и продала. Я не обиделся, напротив, был рад. В шубе моя стройная жена выглядела дородной дамой. А мое кредо: женщина отличается от мужчины изящной фигурой, отточенными, овальными линиями. Я всем твердил, что моя Елена – самая красивая женщина в мире. В глазах некоторых видел несогласие, но вслух его ска-

зять никто не осмелился.

Да, жена должна быть симпатичной и веселой. Как моя! В нашем доме никогда не было скучно, телефонная трубка накалялась от громкого голоса тещи и Елениных пересудов с тетками и подружками. Веселая история или свежий анекдот моментально распространялись по телефонной линии. Сам не люблю телефон, на работе он трезвонил постоянно и по делу, и по пустякам. Телефонные книжки моей тещи и жены испещрены номерами. Их число постоянно увеличивалось. Теща считала за честь навести справку для зятя, где купить запчасти для «Волги», или для дочки: где идет новый фильм. К Елене тянулись люди, с которыми она знакомилась в местах отдыха, на вечеринках. И когда в доме не слышно ее громких телефонных разговоров, я тревожусь: не заболела ли, а может, устала... Мы оба считаем себя счастливыми, прожившими жизнь в благополучии, без ссор.

С годами пылкая, страстная любовь сменяется особой привязанностью. Не сделаю открытия: гораздо ценнее, когда ты и чувством, и умом, и особым инстинктом знаешь, что никогда – ни в радости, ни в беде – не покинешь любимого человека. Елена не признавалась мне в горячей любви. Но она подчеркивала, что уважает меня как мужа и отца ее сына. А это для нее превыше всего. И вот недавно, когда, казалось, чувства мои поутихли, мне стало ясно, что я снова начинаю смотреть на жену юношескими влюбленными глазами. Но это чувство вызвала не молодость – ее уже нет, а

безотказность, с которой Елена ухаживала за мной и сыном. У меня появилось даже чувство жалости, что она так убивается ради нас. Я никогда не видел ее праздной – всегда занятая делом, жизнерадостная и веселая.

Мы оба давно пенсионеры, но говорить о заслуженном спокойном отдыхе не приходилось. Наше поколение оплевали, оболгали, душевно ограбили. И возмущали не только наглая ложь и клевета, а вседозволенность и разгул «демпрессы». Критику воспринимаешь спокойно, когда тебя критикует умный, морально чистый человек. Но когда поучают люди, загнавшие страну в тупик, опошлившие все на свете, хочется воевать.

Я редко помогал жене по хозяйству. Она это терпеть не может и обычно выгоняла меня с кухни. Но я всегда был при деле: то запаивал ее лопнувшее колечко, то чинил телефонную трубку, то склеивал разбитую тарелку, то устранял течь в водопроводе... Мужчина, я твердо уверен в этом, должен быть мастером на все руки. Чего только я не сделал для моей дорогой жены, для сына, для тещи! Ведь я умел клеить обои и писать памфлеты, регулировать клапаны и переводить на английский язык, играть на пианино, работать дрелью, электролобзиком, класть кафель...

Я часто рассказывал сыну Андрею про нашу с Еленой свадьбу. Ее сыграли в просторной четырехкомнатной квартире профессора Страментова на улице Чкалова, дом 14/16, где тогда селилась московская элита. Кроме многочисленной

родни Зуевых пригласили всех Елениных подружек-студенток, а также весь иностранный отдел «Комсомольской правды», где я работал после окончания института. Чтобы всех рассадить за свадебным столом, пришлось тащить из ЖЭКа деревянные скамейки. Кроме профессора, хозяина квартиры, присутствовали два незнакомых генерала с женами. Их пригласил тесть, откликнувшись на мою шутку: «Все хорошо, но какая же свадьба без генерала!»

То был 1954 год. Стол ломился от домашних пирогов, осетрины, икры, крабов, домашних соленых огурчиков и капусты. Шампанское, коньяк, водка разных марок, пиво, соки... И все по сходной, доступной цене. На пятом году перестройки, когда ничего этого не стало в продаже, думал: «Неужели моя роскошная свадьба была не сказка?» Нет, не сказка. Люди со скромным достатком, сэкономив, играли пышные свадьбы, жили хорошо. Радовались, веселились, как умели, да и работали добросовестно. Рожали детей и не думали, что их нечем будет кормить. Не боялись, что младенца заразят СПИДом в роддоме. Не предполагали, что вскоре смертность русских превысит рождаемость. Ужас какой-то!

Помнится, в квартире Страментова мы прожили несколько дней. Убирались, относили скамейки в ЖЭК, доканчивали провизию, которую запасли с лихвой для свадебных гостей. Целовались-миловались и вспоминали, кто что подарил.

ОСКОЛОК БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

В 1975 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о суверенитете и независимости Белиза. На торжества по случаю провозглашения независимости в сентябре 1981 года из Мехико прибыл советский посол Ростислав Александрович Сергеев в сопровождении корреспондентов «Известий» и Центрального телевидения. Гостей поселили в «резиденции» – не поверите! – в небольшом дощатом домике на высоких сваях.

Поначалу казалось, что наше путешествие не принесет никаких неожиданностей. Но вот перед нами предстал первый поселок Белиза. Как необычно выглядят его жители и их жилища! В отличие от соседей-мексиканцев многие белизцы... чернокожие, высокие и стройные, как африканцы из племени масайя. А их дома – легкие деревянные постройки на редких сваях – наводили на мысль, будто мы очутились на одном из островов... Индонезии. Позже, беседуя с жителями, мы узнали, что территория Белиза, расположенная в низкой прибрежной долине, подвергается постоянным разрушительным наводнениям. Их приносят ураганы, бушующие в Карибах. Один такой ураган в 1931 году почти полностью смыл самый крупный город – столицу Белиз-Сити. После этого столицу решили перенести в глубь страны, за 80

километров от моря, и назвали ее Белмопан.

А Белиз-Сити вновь застроился домиками на сваях, достигающими четырехметровой высоты, а порой и того больше. Они помогают пережить пору наводнения, а также спасают от нашествий змей и других непрошенных гостей. Кроме того, продуваемые бризом деревянные полы не так быстро гниют. Большинство домов в городе выглядят убого. Видимо, их обитатели экономят средства для самого насущного и не имеют возможности хотя бы покрасить черные, потрескавшиеся от времени доски. Из окон выглядывают сгорбленные старики и старухи. По хаотически извивающимся улочкам бродят нищие. Автомашины, двигаясь по немощным мостовым, поднимают пыль. Мы не увидели ни одного светофора. На перекрестках у водоразборных колонок стояли с ведрами женщины. За их юбки цеплялись голые малыши, согреваемые солнцем тропиков. Лишь центральная Альберт-стрит выглядит настоящей городской улицей с асфальтированной мостовой и тротуарами. На первых этажах домов расположены мелкие лавочки, торгующие очень дорогими заморскими товарами. Своих товаров Белиз почти не производит.

Горожане переговаривались между собой на английском языке, слышна была также испанская речь и совсем непонятный местный диалект. О том, что мы попали в бывшее английское владение, напоминали вывески и названия улиц. В Белиз-Сити, как и в любом английском городе, есть свои

Кинг, Куин, Черч и другие «стриты», только выглядят они гораздо беднее любой обшарпанной улицы лондонского Ист-Энда. Самым прочным и презентабельным, хотя тоже сработанным из дерева, оказался дом английского губернатора. Фасад его обращен к морю, перед парадным крыльцом возвышается мачта, на которой десятилетия развевался британский имперский флаг «Юнион Джек». Флагшток сооружен из двух стволов мощных кедров. Выше и прочнее этой мачты не было ничего в городе. Развевавшийся на ней флаг символизировал незыблемость «владычицы морей», над землями которой, как хвастали колонизаторы, «никогда не заходит солнце». И действительно, Белиз, находящийся в другом полушарии, подтверждал это изречение. Но после Второй мировой войны под ударами национально-освободительного движения угнетенных народов Британская империя рухнула. Уж и не припомнишь, в каком порядке, начиная с Индии, из британской короны выпадали одна жемчужина за другой.

Белиз, Ямайка и другие островные владения в Карибском бассейне именовались в Лондоне Вест-Индией. Это ошибочное название пошло от Христофора Колумба, который мечтал отыскать «путь в Индию».

В полночь 21 сентября с флагштока перед губернаторским дворцом в Белиз-Сити был спущен «Юнион Джек». Мы приготовили свои фотокамеры, чтобы запечатлеть этот момент. Но флаг почему-то исчез с мачты в сплошной темноте, скрытно от глаз присутствующих на церемонии. Види-

мо, колонизаторы хотели, чтобы никто не увидел этого позорного, с их точки зрения, момента. Когда снова зажглись прожекторы, мы увидели «Юнион Джек», мокрый, как тряпка, от прошедшего ливня, в руках английского солдата, покидавшего зеленую лужайку. Знакомый журналист из «Файнэншл таймс» цинично заметил: «Знакомый, хорошо отрепетированный и много раз повторенный спектакль. Что стало с империей!» В этот момент на флагштоке появился национальный трехцветный флаг независимости Белиза.

Колонизаторы оставили Белизу тяжелое наследие, и народ этой страны имеет полное право предъявить им крупный счет за свои страдания и отсталость. Экономика по-прежнему крепко опутана сетями иностранных монополий, и об экономической независимости приходится пока только мечтать. Страна нуждается в более совершенной конституции. Ведь в Белизе в течение неопределенного срока будет находиться контингент английских солдат, а главой государства осталась английская королева. Однако с колониализмом покончено. Белиз встал на новый путь развития. Он избрал место в ряду неприсоединившихся развивающихся государств, желающих жить в мире со всеми народами и строить жизнь по собственному усмотрению.

(Силантьев В. И. Пробужденная сельва. М.: Известия, 1983.)

КОСТЕР ВОЙНЫ

Спустя год после моей поездки в Белиз я снова вспомнил о моем жарком споре с английскими студентами о колониализме.

В Южной Атлантике запылал костер настоящей войны. Он вспыхнул от углей продолжавшегося десятилетиями англо-аргентинского спора из-за Фолклендских (Мальвинских) островов. Чуть тлевшие угли каждый раз раскалялись докрасна, как только Аргентина начинала настойчиво требовать восстановления своего суверенитета над островами, а Лондон отвечал отказом. Еще в 1965 году ООН приняла подавляющим числом голосов документ, призвавший конфликтующие стороны найти мирное решение спора. Позже Генеральная Ассамблея ООН еще несколько раз обращалась с аналогичным призывом к Англии и Аргентине. Увы, безрезультатно.

Конфликт резко обострился после 2 апреля 1983 года, когда на рассвете группа водолазов-десантников аргентинской армии высадилась на одном из островов архипелага. В ответ правительство консерваторов в Лондоне послало в Южную Атлантику мощную карательную военную эскадру с целью снова поднять над островами британский флаг «Юнион Джек». Лондон сделал ставку на вооруженную силу и отверг все компромиссные предложения Аргентины о мирном

урегулировании конфликта. Подошедшая к Фолклендам английская армада приступила к штурму административного центра Порт-Стэнли, переименованного аргентинцами в Пуэрто-Архентино. Начались кровопролитные тяжелые бои.

Неспокойное время пришло в дома аргентинцев. Из коротких тревожных сводок они узнавали о потопленных кораблях, сбитых самолетах, о человеческих жертвах... В семьях одних уже оплакивали невосполнимую потерю, у других сердце сжималось при мысли о возможной трагической судьбе близких – солдат и офицеров аргентинской армии.

Напряженной жизнью жила столица Аргентины. Давно уже Буэнос-Айрес не видел таких массовых и бурных демонстраций, какие проходили на центральной площади перед президентским дворцом Каса Росада. На митингах ораторы клеймили позором Англию, ступившую на тропу колониальной войны, призывали народ к сплочению и защите национального суверенитета.

Война в собственном доме известна аргентинцам лишь по учебникам истории да музейным реликвиям. В столичном музее истории до сих пор показывают как вещественные доказательства разбоя и позорного бегства англичан полинявшие знамена, штандарты, сабли горе-гренадеров 71-го полка Хайлендерс.

Позже, в 1807 году, собрав более крупные силы, англичане снова напали на Буэнос-Айрес и снова встретили героическое сопротивление населения. Три года спустя, в 1810-

м, аргентинцы успешно вершили войну за освобождение от испанского господства и теперь каждый год 25 мая отмечают юбилей учреждения первого самостоятельного правительства Аргентины. Среди его создателей был и генерал Бельграно, в честь которого, кстати, был назван крейсер, пиратски потопленный англичанами уже в ходе нынешнего конфликта.

Конфликт из-за островов не был неожиданностью для аргентинцев. Во-первых, потому, что насчитывает полуторавековую историю, являясь важной частью прошлого, которое изучают с детства в школе; во-вторых, политические деятели страны и ее печать никогда не упускали из поля зрения англо-аргентинский спор. Посещая Буэнос-Айрес, я каждый раз становился свидетелем большого интереса к этому вопросу. Довелось мне побывать и на промышленной выставке, где конфигурация цветочной клумбы, разбитой перед одним из павильонов, повторяла очертания Фолклендских (Мальвинских) островов. Соответствующая надпись вводила непосвященного в курс дела, разъясняя, что высадившиеся на островах в 1833 году моряки с британского корвета «Клио» арестовали представителей аргентинских властей, а жителей-аргентинцев выдворили.

На островах постоянно проживало около двух тысяч человек, в основном британских подданных. Их главное занятие – овцеводство. Жили они в отрыве от всего мира. В аргентинских официальных брошюрах, изданных в связи с кон-

фликтом, говорится, что лишь в 1972 году Лондон позволил жителям вступить в контакт с континентальной Аргентиной, получать оттуда срочную медицинскую помощь. Аргентинские компании помогли установить на островах телефонную связь, построили там аэродром. Как признал американский еженедельник «Ньюсуик», жители островов, находясь под британской опекой, отнюдь не процветали, их «доходы из расчета на душу населения – одни из самых низких в мире». Их британские паспорта не дают им права по прибытии в Лондон ступить дальше иммиграционной конторы, где надо получить разрешение на въезд, а деньги, имеющие хождение на Фолклендах, не принимают лондонские банки.

Лондон, пригрозивший проучить аргентинцев, действительно преподал один «урок», причем не только аргентинцам, но и всем народам развивающихся стран: объединенный фронт империалистических государств – союзников по НАТО выступил против одной, хотя и немаленькой страны. Силы оказались неравными.

На Аргентину фактически обрушился удар мощного натовского (читай – американского) кулака в английской перчатке. Без широкой военно-технической помощи США, которые снабжали англичан горючим, боеприпасами, транспортной авиацией, а также разведывательными данными, штурм Порт-Стэнли, по мнению западной печати, затянулся бы надолго.

(Силантьев В. И. Пробужденная сельва. М.: Известия,

1983.)

ОТКУДА НАЧИНАЛСЯ БАЙРЕС

Почти в каждой латиноамериканской столице есть свой «старый город» – место, откуда она начиналась в давние времена, а затем разрасталась вширь. В Буэнос-Айресе это портовый район Ла-Бока.

Со знакомым аргентинским журналистом на стареньком «форде» мы направляемся на городскую окраину, в то место, где, как говорится, зародилась столица республики.

Свернув с широкой, обрамленной монументами авениды Пасео Колон, мы проезжаем мимо огромного пустыря. Морской бриз гонит по нему облачко пыли и бумажного мусора в сторону одиноко возвышающейся чаши футбольного стадиона, прозванного местными болельщиками «бомбонера» – «корзинка с конфетами». Он принадлежит одному из популярнейших спортивных клубов «Бока Хуниорс». Машина въезжает в «старый город», имеющий богатую историю.

Основатель аргентинской столицы испанец Педро де Мендоса прибыл из Европы на берега Ла-Платы четыре с половиной века назад и облюбовал тихую бухту для швартовки своего парусника. Ее назвали Ла-Бока, что в переводе с испанского значит «устье». Это случилось в 1536 году.

А лет двадцать спустя после основания аргентинской столицы на берегах реки Ла-Платы высадилась группа испанских авантюристов, прибывших сюда в поисках золота и се-

ребра. Из-за океана они привезли с собой семь коров и одного быка. Их заветная мечта найти здесь драгоценные металлы оказалась иллюзией, а вот от первых нескольких коров пошла стада, которые принесли Аргентине настоящее богатство.

Минули столетия, появились огромные океанские суда. С одного из них, доставившего эмигрантов-итальянцев, сошел малоизвестный в то время писатель Эдмондо Д'Амичис. Он поистине влюбился в Ла-Боку и так проникновенно описал далекую заморскую деревушку в своей новелле «Сердце», назвав ее «маленькой Генуей», что вскоре в Аргентину приехало более миллиона итальянцев. Теперь, как утверждает статистика, примерно половину населения страны составляют выходцы из Италии или их потомки, а другую половину – потомки испанцев.

Ла-Бока и сейчас манит иностранных моряков и туристов. И в этом немалую роль играет присущий ей итальянский колорит. В многочисленных харчевнях по-прежнему широк выбор спагетти, традиционных итальянских рыбных блюд и доброго виноградного вина. И, конечно, уже у берега турист встретит ищущего заработка гитариста, исполняющего душещипательное танго.

Когда въезжаешь в этот старый портовый район, то теряешься в узких улочках среди низких, порой просто-напросто убогих строений, и кажется, что ты попал совсем в другой город. Ведь в центре и прилегающих к нему кварталах

тебя немного раздражали чопорность и роскошь особняков богачей, начищенные до блеска медные таблички у парадного входа. Там город во многом копировал архитектуру и стиль западноевропейских столиц, и думалось порой: стоило ли ехать за тысячу километров, чтобы увидеть тут, на краю света, нечто похожее на Лондон или Копенгаген? Ла-Бока же самобытна: она как бы сама по себе – плоть от плоти аргентинская.

Недаром здесь черпали вдохновение художники и поэты, музыканты и артисты. Иные приезжали в пропитанный морской солью и потом квартал во фраках, покинув богатые салоны и званые приемы; большинство же, стремясь добиться признания, упорно трудились здесь, предлагая по бросовой цене свои картины случайным посетителям или зарабатывая на хлеб сочинением и исполнением танго. Один из них, Хуан Филиберто, композитор и поэт, прославился знаменитым танго «Каминито». В честь этой мелодии даже названа одна из улиц Ла-Боки.

У причалов не видно сверкающих белизной фешенебельных яхт, здесь лишь забрызганные грязью рыбацкие шаланды да старые посудины, доживающие свой век. А современный порт с бесчисленными доками и лесом портовых кранов-гигантов, с огромными пакгаузами и элеватором расположился севернее – туда и разворачивается наш «форд».

Суда – под флагами разных стран – принимают в трюмы товары традиционного аргентинского экспорта: мороженое

мясо, пшеницу, кукурузу. На пристани я увидел и нечто совсем неожиданное – высыпавшиеся из разбитого ящика сочные красные яблоки. Аргентинские фрукты тоже везут за океан. Румяные яблоки, отливающие золотом груши охотно покупают Франция и другие страны Западной Европы. И хотя европейские порты отделены добрым десятком тысяч километров, аргентинские фрукты пользуются хорошим спросом. Ведь их урожай приходится в пору, когда в страны северных широт только приходит весна.

Неподалеку от нового порта начинается сегодняшней центр Буэнос-Айреса. За Розовым дворцом, резиденцией президента республики, расположились кварталы банков, министерств и закрытая для движения автотранспорта богатая торговая улица Флорида.

Аргентинская столица – город прямых и длинных улиц. Обычно считают, что самая длинная улица в мире находится в Мехико. Это 28-километровая Инсурхентес. В Байресе подобных улиц множество. Одни из них тянутся с востока на запад, а другие перпендикулярны им. Самая длинная – 37 километров – носит имя политического деятеля прошлого века Ривадавия. Она пересекает более ста городских кварталов и насчитывает около десяти тысяч домов.

Невольно думаешь, что жителям Байреса, должно быть, трудно ориентироваться из-за многозначной нумерации домов. Оказывается, нет. Город состоит из одинаковых по числу строений кварталов, в каждом не более ста домов. Поэтому

му второй квартал по улице имеет нумерацию домов 200–299, третий – 300–399 и так далее. Таким образом, дом под номером, скажем, 1545 будет обязательно находиться в 15-м квартале. Нумерация домов, как правило, начинается от берега реки Ла-Платы, откуда рос город.

Ветры с широченной, как море, реки Ла-Платы одинаково дуют как на севере, так и на юге столицы. Но на своем пути к обитателям северных кварталов эти ветры проходят сквозь строй каштанов, пальм и редкостных тропических деревьев, которыми засажены парки, и несут живительный озон. А на юге те же ветры встречают барьер портовых кранов, рыболовных и нефтеналивных судов и, достигая рабочих кварталов, пахнут морской солью, рыбой и керосином.

Контрасты двух столичных районов этим не ограничиваются. Они проявляются в одежде людей, темах их разговоров, даже в памятниках. Чем старше городской квартал или чем он богаче, тем больше в нем памятников.

Аргентинцы отдадут дань уважения участникам движения за освобождение страны от испанского колониального владычества, и поэтому нет ничего удивительного в том, что в центре города и богатом районе Палермо то и дело видишь фигуры бронзовых и мраморных всадников.

Самый почитаемый из них сооружен герою освободительной войны Сан-Мартину. Восседающий на вздыбленном коне генерал окружен бронзовыми статуями своих солдат, а по всему гранитному постаменту – барельефы, отражающие па-

мятные баталии и военные походы.

Рядом с памятником Сан-Мартину расположены три вокзала и привокзальная площадь Британия. На ней еще изда- лека замечаешь высокое сооружение, похожее на каланчу. На самом же деле это совсем не каланча, а тоже монумент, правда, несколько необычный. Своими очертаниями и ги- гантскими часами он напоминает знаменитый лондонский Биг-Бен. Это дар Англии, а точнее, как значится на монументе, «британских посланцев в Аргентине» по случаю столетия независимости республики, которое отмечалось 25 мая 1910 года.

ПАМПА, КАСА РОСАДА, ЛОЛИТА, МЕНОТТИ

От аргентинской столицы до города Санта-Фе, где намечено соорудить гигантскую плотину электростанции «Парана медио», полтысячи километров пути. Конечно, быстрее всего туда можно было бы добраться на самолете местных авиалиний. Но соблазн увидеть раскинувшуюся на сотни километров пампу – гигантские естественные пастбища, принесшие Аргентине богатство и мировую славу скотоводческой страны, – берет верх, и мы выбираем наземный транспорт.

Пампа! Бескрайняя равнина без холмов и лесных массивов, с миллионами гектаров плодороднейших земель. Тучные коровы круглый год разгуливают по лугам, отгороженным от шоссе едва видимым забором из колючей проволоки. Пастухов – гаучо – не видно. Они появляются лишь иногда, чтобы перегнать стадо на другое пастбище.

Мало кто помнит, что до прихода в Аргентину испанцев проживавшие там племена индейцев не знали домашнего крупного рогатого скота. Любопытно, что испанские конкистадоры, давшие имя стране от латинского слова «аргентум» – серебро, не нашли в Аргентине драгоценных металлов, за которыми охотились по всему континенту. Они и реку Ла-Плату (в переводе с испанского – серебро) окрестили так, полагая, что плывут по ней в сказочную страну Эльдо-

радо. Река привела их к другой широкой водной магистрали – Паране, по берегам которой и раскинулась пампа. Если бы конкистадоры могли подняться в воздух, то с высоты птичьего полета увидели бы внизу тысячи и тысячи серебряных зеркал самых фантастических конфигураций. Это бесчисленные озера, заросшие кустарником речные заводи, ручейки и полноводные реки, дающие пампе влагу, а значит, и жизнь. Отражая лучи солнца и белые облака, вода в часы заката и восхода солнца заставляет переливаться пампу цветами золота и серебра.

Но это – зрительное восприятие. Экономически же пампа источает настоящее золото. Значительная доля ее богатств экспортируется, принося стране необходимую валюту для импорта машин, оборудования, горнорудного сырья и прочих товаров.

Мой первый визит в Аргентину начался в столице. Коммерсант, с которым я познакомился в Буэнос-Айресе, посетовал:

– Не успеваю завести знакомства в правительственных учреждениях, как там снова меняются руководители!

За восемь лет, что он прожил в столице, в Каса Росада – Розовом доме, резиденции главы аргентинского государства, сменилось семь президентов. Возможно, столь короткие сроки пребывания у власти привели к тому, что ни один из них не успевал позаботиться о капитальном ремонте Розового дома. Старинный дворец выглядел несколько запущенным,

а на фоне новых высотных зданий центральных кварталов – просто невзрачным. После ремонта его неизменно красят в розовый цвет. Это традиция. Она берет начало с 1868 года, со времени президента Доминго Фаустино Сармьенто, который первым избрал это здание для постоянной резиденции главы государства и при котором были осуществлены реформы, направленные на развитие экономики и культуры, ускорившие формирование аргентинской нации.

По сравнению с президентскими дворцами в других странах Латинской Америки Розовый дом не может не удивить скромностью и непричуждательностью. Ничто не говорит о роскоши и внутри дворца. Там нет ни помпезных мраморных колонн, ни отделанных позолотой резных дверей, ни парадных лестниц. Единственным признаком экзотики может служить бьющий во внутреннем двореке – патио – фонтан, около которого возвышаются две пальмы.

Двое дворцовых служащих выписали мне пропуск, «действительный лишь на день выдачи», попросили приколоть к лацкану пиджака круглый жетон с номером 85, и я пошел следом за посыльным холодными мрачноватыми коридорами.

Принимавший меня директор Департамента печати выглядел усталым. Из скупых ответов на мои вопросы можно было сделать вывод, что Аргентина переживает сложный период в своем внутривнутриполитическом развитии.

С марта 1976 года после государственного переворота

власть находилась в руках военных. В стране не действовал распущенный парламент, многие посты в правительстве занимали военные, они же назначали из числа генералов президента страны. Деятельность партий была приостановлена, а в отдельных случаях запрещена. Отстраненная от власти последний гражданский президент Мария Эстела Мартинес де Перон долгое время содержалась под стражей, – ее обвинили в незаконных операциях с государственными и частными фондами. И лишь летом 1981 года ей разрешили покинуть страну.

...Побывав в Розовом доме, я отправился пешком на встречу к популярной у нас аргентинской актрисе Лолите Торрес. Ее дом находится рядом с центральной авенидой 9 Июля, где в районе знаменитого обелиска расположились многочисленные театры Буэнос-Айреса. В одном из них – театре «Авенида» – Лолита дебютировала, когда ей было всего 11 лет. Девочка с успехом выступала на сцене и в конце концов оставила мечту посвятить свою жизнь медицине.

И вот я в гостях у популярной артистки. Более чем в 30 фильмах снялась Лолита Торрес, объездила с гастролями Южную и Северную Америку, многие страны Европы. Сыграла в одном из своих ранних фильмов – «Возраст любви», она покорила миллионы советских кинозрителей, и певицу называли «идеальной невестой всех русских юношей».

Все это я прочитал на обложке одного из любимых дисков Лолиты Торрес, который она мне подарила во время

встречи. Эту долгоиграющую пластинку выпустила испанская фирма «Испавос». Фирма отметила, что диск выпущен в 1975 году, вскоре после первого концерта Лолиты в знаменитом мадридском «Театро де ла Комедиа».

Успех был феноменален. Наконец-то сбылась мечта актрисы выступить на родине. Ведь Лолита – испанка. И поет главным образом испанские песни. Но всю жизнь прожила в Аргентине.

О чем мечтает актриса теперь?

– Я мечтаю о том, чтобы сохранить любовь русской публики. О, я знаю, как трудно артистке поддерживать любовь, которую однажды она пробудила у зрителей. Ведь мне до сих пор шлют письма и подарки мои далекие советские почитатели. А когда я приезжаю к вам на гастроли, то ваши мамы показывают дочек, которых они в честь меня называли Лолитой. Как это мило и трогательно!

Я, естественно, волнуюсь, готовясь к каждой новой встрече. Конечно, я включаю в репертуар две-три песни из фильма «Возраст любви», столь любимых в России, но в целом моя программа совершенно новая. Есть в ней и русские мелодии...

Гостиная, где мы разговаривали, была заполнена всевозможными статуэтками, картинами, сувенирами, полученными Лолитой Торрес от благодарных зрителей. Немало было здесь и подарков из Советского Союза, сувениров с изобра-

жением Московского Кремля.

А в 1978 году, во время чемпионата мира по футболу в Аргентине, я беседовал с тренером Сесаром Луисом Менотти, который привел свою национальную сборную к футбольной короне мира. «Говорят, Менотти родился в сорочке и прямо на футбольном поле, это верно?» – спросил я.

– Насчет сорочки – выдумка, но дом в городе Росарио, где я родился, действительно стоял на краю тренировочного поля клуба «Унион американа». Моя колыбель располагалась у окна, выходявшего на травяной газон с футбольными воротами. Сначала я увлекался баскетболом и плаванием, но все-таки пересилила страсть к футбольному мячу. Его наши мальчишки могут гонять даже между рельсами железной дороги. Когда мне было 15 лет, умер отец, и со средствами в семье стало трудновато. Тогда и начал думать о профессиональном футболе. В то время многие мои сверстники эмигрировали в страны Латинской Америки и Европы в поисках работы.

Я спросил Менотти, что для него футбол: профессия, работа, жизнь? Тренер ответил так:

– Футбол – прежде всего праздник. Можно улучшать зеленый ковер, мяч, экипировку игрока, но суть футбола не изменится. Эта игра бессмертна. Как народная мелодия: ее можно по-разному аранжировать, но главная тема остается без изменений. Тренер, каждый футболист должны отвечать требованиям этого спектакля, слиться с настроением публи-

ки. Плох игрок, который механически выполняет футбольные приемы. Ведь, к примеру, Бетховен писал музыку не ради написания нот. Он жил музыкой! То была его манера познания мира. Футбол – тоже способ познания мира...

Я до сих пор храню книгу «Футбол», которую мне подарил великий тренер и подписал: «С чувством симпатии, Менотти».

ЗОЛОТЫЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Когда на счету последние годы жизни, страшно подумать, сколько же времени ушло зря, впустую. Сколько выброшено минут и часов ради глупого времяпрепровождения, капризов сердца, молодецких забав. Но спросишь себя: хотел бы жизнь прожить иначе? О нет, нет! Хотел бы повторить все сначала? О да, да! Особенно милые золотые студенческие годы!

Удивляюсь до сих пор. Откуда брались неутомимость, выдумка, энергия, бесшабашность? Ведь вернулся с войны возмужавшим юношей. Усталым. Жирок, накопленный беззаботной солдатской жизнью, когда ты худо-бедно сыт, одет, снабжен махоркой, быстро растаял. Испарилась как дым выданная в тройном размере за годы войны зарплата. Этому помог товарищ Сталин, обнародовав денежную реформу. Он просил народ принести «последнюю военную жертву» на алтарь Отечества, растолковал, что в ходе войны естественно происходил процесс эмиссии денег, упало до минимума производство товаров, а зарплату выплачивали как прежде, в мирное время. Деньги обменивались по курсу одна тысяча старых рублей на один новый рубль. Продал шинель. Потом расстался с кирзовыми сапогами и гимнастеркой. Благо жил на Зацепе, рядом с рынком. Недалеко было ходить, чтобы обменять солдатские шмотки на буханку хлеба. Не продал

лишь унты как память о любимой авиации. Щеголял в них все студенческие зимы, притягивая взоры девушек.

Выручал трофейный аккордеон. Выезжал работать массовиком-баянистом в пионерлагеря, дома отдыха. Прельщала не столько зарплата, сколько бесплатное питание и свежий воздух. Три раза в году веселил какой-нибудь коллектив служащих, отмечавших советские праздники и, по обычаю, после доклада предававшихся застолью и танцам с песнями. Однажды мамаша трех дочек наняла меня обучать старшую игре на аккордеоне за десять целковых в час. Уроки вскоре прекратились, ибо мамаша рассчитывала поскорее выдать дочь замуж, а я оказался непонятливым строгим учителем. Разглядываешь свои студенческие фотографии, ужас берет! До чего же был худ. Кожа да кости. Золотые студенческие годы не в ладах с расчетом, с выгодой и сытостью. Молодость трехжильная, бездумная, увлекающаяся всем заоблачным, блестящим, как звезды.

С 1951 года иняз стал издавать свою многотиражку «Советский студент». Подобрался коллектив талантливых и энергичных студентов, пишущих очерки, стихи, фельетоны. Меня пригласили заведовать литературным отделом. Мы сами себе были цензорами. К сожалению, согласно стереотипам того времени первая страница многотиражки отводилась под официальные материалы – партийные и комсомольские обращения с призывами укреплять мир, участвовать в выборах, публикации о работе институтского партбюро и

комитета ВЛКСМ, другие документы. Зато вторая страница почти целиком заполнялась заметками, фельетонами, сатирическими стихами и карикатурами о студенческой жизни. Однажды наши шуточки и шаржи в новогоднем номере послужили темой разговора на партбюро. Нас критиковали за перехлест, излишнюю лихость в показе негативного.

Каждый год с осени до весны «стукал» в волейбол. Настоящий волейболист не скажет «играл», профессиональнее звучит «стукал». Сейчас думаешь, какой же глупый был – на что тратил время и силы? А тогда... Разве можно было отказать тренеру Михаилу Крылову, легендарному мастеру волейбола? Ведь он привел меня в институт. Чисто случайно. В 46-м после демобилизации я шел по Крымскому мосту до метро, любовался набережной. И вдруг навстречу Мишка Крылов, с которым до войны играли в «Спартаке». Он – за команду мастеров, я – за юношескую. «А на фронте стучать приходилось?» – спросил. – «Послушай, – предложил он, – тут рядом, на Метростроевской, 38, есть институт иностранных языков. Я там работаю на полставки тренером. Приходи в воскресенье. Предстоит календарная игра, а мужиков в институте раз-два и обчелся». Я пришел и надолго остался. Мне импонировало, что многие гуманитарные дисциплины в институте преподавались на иностранном языке.

Волейбол – захватывающая игра, воспитывающая волю, смекалку, точность в движениях. Ох, сколько же часов отдано кожаному мячу! Но кто подсчитает, сколько минут вдох-

новения и радости принесли ответственные игры! Выигранный матч у сильного противника порождал необыкновенный душевный подъем. Михаил Крылов с друзьями «обмывал» его стаканом водки. Приглашал меня, но я отнекивался. Помнил, как меня, подростка-гармониста, споили деревенские. С тех пор высчитал свою норму – 300 грамм. И то – если в компании и понемножку. В первый День Победы в полку всем выдали за ужином три раза «по сто». Я тогда свою норму слил во фляжку. А если проиграешь матч? Михаил опять выпивал. «Надо расслабить мускулатуру», – приговаривал.

Это в наше время скрючился от боли волейболист, а чаще футболист – сразу бежит врач с баллончиком, заморозит место травмы, и спортсмен побежал как ни в чем не бывало. Я ходил на матчи «Торпедо», когда его стадион с одной трибуной в три ряда находился перед входом в парк Горького. Видел, как футболисты «лечились» от полученных ушибов, растяжения связок, вывихов. По-современному говоря, принимали допинг. Злоупотреблял «зеленым змием» мой любимец Эдуард Стрельцов. Он долго не прожил, как и Михаил Крылов. Но я, слабак по части выпить, все равно их уважаю как крепких мужиков и прекрасных спортсменов.

Написал это и подумал, каким был Ельцин, студент строительного института. Здоровяк, при росте выше 180 сантиметров он был отличным нападающим в команде. Разъезжал со сборной на соревнования по всей стране. А ведь он играл

без двух пальцев на одной руке. В детстве стащил у военных боевую гранату и с друзьями попробовал ее разобрать. Взорвался, видимо, лишь детонатор, который он ударил молотком. Если бы сработала сама граната, представляете, что бы случилось? Вот такая штука: бесшабашное ухарство или неосознанный самострел. Как знать, кроме природных наклонностей, может, волейбол тоже приучал его к «зеленому змию»? Но неполная кисть – а руки самое главное в волейболе – вызывала у него особое чувство превосходства над другими, полноценными товарищами. А страсть к победе? Разве она не породила в Ельцине, уже большом политике, целеустремленность, пробивную силу, волю драться до конца? Вот что такое волейбол!

А с каким огромным трудом мне давались первые шаги в познании английского языка! В институте преподавала целая плеяда лингвистов. Английскому нас обучала чистокровная англичанка Тодт, плохо говорившая по-русски. С нами она разговаривала только на своем родном языке. В институте был заведен строгий порядок – языковым преподавателям запрещалось разговаривать со студентами по-русски даже на переменах. И правильно поступали – студенты быстрее осваивали языки. Переводу с русского на английский нас обучал доцент Мюллер, известный составитель толстого англо-русского словаря. Тяжеловатый, стареющий, он не любил нас распекать за невыученный урок. Восхищала нас своей эрудицией замечательная переводчица «Саги

о Форсайтах» Голсуорси Ольга Холмская. Сухонькая, в толстых очках, она тоже была равнодушна к лодырям: не хочешь – не учи. Однажды она в шутку сказала, что нам, институтским стихотворцам, пора бы заняться настоящим делом. И предложила мне перевести на русский знаменитое стихотворение Байрона «Прометей». Пояснила, что «весь Байрон переведен в середине прошлого века незадачливым... аптекарем, которому надоело готовить лекарства, и он занялся переводом». И еще добавила, что байроновского «Прометея» переводили «все, кому не лень», даже Блок, но все переводы далеки от оригинала и не совпадают по числу строк. Спустя месяц я принес ей мою версию и похвастал, что число строк у меня совпадает с оригиналом. (Для непосвященных замечу в скобках, что английские слова значительно короче русских, да и слог и синтаксис компактнее.) Затем я перевел для Холмской стихотворный эпиграф к роману африканского писателя Абрахамса о расовой сегрегации в Южной Африке, над которым она работала. Мой перевод ей понравился, более того – одна строка послужила заглавием для книги «Тропюю грома». Под этим заглавием по мотивам романа был поставлен балет.

На пятом курсе я уже пробовал сочинять стихи на английском языке и даже испанском. Тогда нам ввели как обязательный второй язык. Преподавала чистокровная испанка Кончита Фернандес, милая, симпатичная женщина. Часто на уроках мы просили ее спеть испанские песни. Она думала,

что, если просят, значит, не выучили урок. Но мы действительно любили ее пение. Да и она сама с первых звуков преобразалась, забывала про занятия.

О счастливые студенческие годы! Мы были благодарны товарищу Сталину за его труд «Основы ленинизма». Пусть питающие к нему животную ненависть перестройщики доказывают, будто сталинские труды не им писаны. Уж мы-то, языковеды, можем точно различить присущий только Сталину стиль речи. Многие первые работы Сталина посвящены популяризации основополагающих ленинских статей. Институтский курс марксизма-ленинизма требовал от нас изучения первоисточников. Ленинские работы понимались с трудом, тогда как сталинские на аналогичную тему были лаконичными, в них все было разложено по полочкам и легко конспектировалось.

Напрасно перестройщики уличают «Краткий курс» в узости мыслей. Есть в нем вполне философские страницы, написанные лично Сталиным. А в целом эта книга писалась в расчете на полуграмотного рабочего и крестьянина, вступивших в партию. Надо обладать особым талантом популяризатора, чтобы просто и доходчиво изложить сложные явления и события. Уверен, никто из перестройщиков не сможет написать такую книгу. Хотя бы потому, что они страдают графоманией и космополитизмом, не могут обойтись без чуждых русскому иностранным слов «новация», «генерация», «легитимность», «консенсус», «презентация», «инау-

гурация» и прочих.

Принес в многотиражку стихотворение «Мечта». В нем ни разу не упоминалось имя вождя, но с первых строк было ясно, о ком идет речь. Я мечтал о том, как, покинув бесшумный ЗИС, в двери института «пройдет в простой шинели человек», свернет в раздевалку, где каждый уступит ему очередь. Далее он войдет в аудиторию и спросит: «Если вы не против, то, разрешите, лекцию я прочитаю вам». Стихотворение кончалось так:

Окинет взглядом нас, младое поколение,
Кумач, чуть сбившийся, поправит на столе
И в зал шагнет; и вот через мгновенье
Услышим первого лингвиста на земле!
Четвертый час куранты выбивают,
Там где-то в комнате горят еще огни, —
Мы знаем, он и нас не забывает,
А у него мы в думах не одни.
Но все равно я каждую минуту
Мечтаю, как затормозит свой бег
Бесшумный ЗИС и в двери института
Пройдет в простой шинели человек.

Читателю, очевидно, нужны объяснения, почему студент иняза мечтает видеть Сталина у себя на лекции. В 50-х годах на страницах газет развернулась дискуссия по вопросам языкознания. В ней принимали участие ведущие языковеды страны. И вдруг свою лепту в дискуссию решил вне-

сти Сталин. Он писал, что как марксист считает своим долгом сказать свое слово о значении языкознания. И сказал. В результате, как писалось в многотиражке «Советский студент», «основополагающие указания гениального труда Сталина» стали во главе угла «перестройки учебного процесса» в нашем институте. За невнимание к сталинскому труду подвергся критике наш Мюллер, заведующий кафедрой перевода, и другие преподаватели. Судя по публикациям многотиражки, весь коллектив с небывалой энергией и восторгом занялся анализом «гениального труда», уже переделывались готовые диссертации в свете «указаний».

Думаю, однако, что эта «перестройка» шла лишь на словах, для галочки. Мы, старшекурсники, не услышали ни одной лекции по работе Сталина, а на партсобрании даже раздавались голоса против «перестройки» в лингвистике: это, мол, дело кафедры марксизма-ленинизма. Спустя год в «Советском студенте» значительно реже появлялись материалы на эту тему, хотя Сталин был еще жив. Недальновидный Хрущев высмеял сталинское участие в дискуссии и ее проведение как якобы политический маневр с неблагоприятной целью – отвлечь внимание народа от острых хозяйственных проблем. Увы, не зрил в корень. Сталин умер, не успев довести до конца затеянную им «перестройку» в науке. По большому счету в ходе дискуссии речь шла не о синтаксисе, словообразовании, лексике и других премудростях лингвистики. Сталин заострил вопрос о развитии науки, о необходи-

мости разных точек зрения, о борьбе мнений, о вреде формализма и администрирования. Вот как ставилась задача: «Применяя марксизм в языкознании, – писал в «Советском студенте» замдиректора по научной части Л. Базилевич, – товарищ Сталин нанес уничтожающий удар по вульгаризаторам, талмудистам, начетчикам. Он разоблачил тот режим в науке, при котором споры, критика, столкновение мнений подменялись администрированием. Он обосновал закон развития советской науки через борьбу мнений, свободу критики».

Удивительно, не правда ли?! Точь-в-точь лозунги и программа горбачевцев – свобода и плюрализм, многопартийность. Честно говоря, вместо того чтобы осуждать Сталина, следовало бы взять его в свои союзники и цитировать при каждом случае. Оказывается, Сталин мечтал о той же самой свободе мнений, что и диссиденты академик Сахаров и Солженицын и самый заурядный демократ. Более того, Сталин провозгласил свободу критики законом развития научной мысли. Так отчего наши демократы не воспользовались готовыми рецептами? Будущие потомки будут удивляться, как ученые мужи смогли отвергнуть весь накопленный положительный опыт за семьдесят с лишним лет советской власти и решили все начать с начала! Поучились бы у Сталина – он критиковал наших маршалов и генералов за то, что плохо перенимают опыт... гитлеровских полководцев. Кстати, Сталин весьма высоко отзывался об американской на-

ции, о деловитости американцев, призывал поучиться у них. А ведь с точки зрения классово-войсковой борьбы американский империализм был нашим врагом номер один. Сталин, выходит, умел проводить грань между политикой и здравым смыслом. Перед самой войной, когда я поступил в авиаучилище, Сталин приказал осуществить перестройку наших военно-воздушных сил, взяв за основу структуру гитлеровских ВВС.

Дискуссия о языкознании проходила в пору широкой кампании борьбы с низкопоклонством перед Западом, с космополитизмом. То было время разгара холодной войны. За антисоветизм и антикоммунизм мы платили той же монетой – антиамериканизмом.

В 50-х годах иняз слыл «институтом благородных девиц». В нем учились отпрыски тогдашней элиты советского общества – дочери министров, генералов, партаппаратчиков, деятелей искусств, ученых. Почти все как на подбор – статные, пышущие здоровьем, несмотря на послевоенные трудности. Немало было представительниц среднего класса, но тон в моде, одежде и прическах задавали первые. В институте велась беспощадная борьба против «стиляг» и поклонниц буги-вуги.

В один прекрасный момент я мог бросить институт и стать музыкантом. Мои песни показали профессиональным композиторам, и они не отговаривали меня от музыкальной стези. Но я сомневался в своих способностях. Понимал, что не имею главного за плечами – сколько-нибудь приличного

музыкального образования. И потом... Еще в детстве, слушая по радио джаз-оркестры Цфасмана, Фельдмана, Коралли, Рознера, я подумал, что музыка – удел евреев. Талант, мол, способности у них к этому. Ничего не поделаешь! Кстати, в институтской художественной самодеятельности, в активе редакции многотиражки, в комсомольском комитете большинство были студенты-евреи.

В один прекрасный день у ветеранов – сотрудников «Советского студента» родилась идея отметить 50-летие нашей многотиражки. Собрались на квартире у бывшей студентки Гали Беляевой на Кутузовском проспекте. Стол был накрыт по-генеральски. Первый тост взялся сказать Гелий Чернов, много лет работавший переводчиком-синхронистом в ООН в Нью-Йорке. Очень уважаемый товарищ, в институтские годы замещал главного редактора «Советского студента». Он сказал:

– Не смущайтесь. Я предлагаю первый тост выпить за Иосифа Виссарионовича Сталина.

Раздались выкрики. Забыл, в какое время мы живем! Сталина в конце 90-х уже по которому кругу потрошили, громили. Даже коммунисты на своих демонстрациях боялись пронести портрет вождя. Когда шумные негодующие выкрики стихли, Гелий продолжал:

– Я бы сказал спасибо товарищу Сталину за то, что он включился в дискуссию о языкознании и осудил талмудистов в лингвистике. После этого наш райком партии разрешил ин-

ституту издавать многотиражку, чего наше учебное заведение добивалось много лет. Не вмешайся Сталин в дискуссию, не было бы «Советского студента», мы не собрались бы здесь на юбилей.

ВОПРОСЫ ЛЕНИНИЗМА

Перестройщики в конце 80-х задумали вернуть то, что свергла Октябрьская революция. Ее лидеры Ленин, Сталин и другие хотели самого элементарного – имущественного и духовного равенства между людьми. Возразят: уравниловку насаждали, философию нищих. Нет, в действительности Ленин и особенно Сталин воевали против обезлички и уравниловки. Они разъясняли коммунистам и народу, что в социалистическом обществе распределение осуществляется по результатам труда. Сталин называл уравниловку не иначе как «злом».

Подняв на щит тезис «Только богатые сделают страну богатой», перестройщики обвинили КПСС в пренебрежении к азам экономики – рентабельности, денежному обращению и так далее. На самом деле Сталин в речи в 1931 году журил хозяйственников за пренебрежение «принципами хозрасчета». «Это факт, – сказал он, – что в ряде предприятий и хозяйственных организаций уже давно перестали считать, калькулировать, составлять обоснованные балансы доходов и расходов. Это факт, что в ряде предприятий и хозяйственных организаций “режим экономии”, “сокращение непроизводительных расходов”, “рационализация производства” – давно уже вышли из моды». Сталин высмеивал тех коммунистов, которые полагали, что при социализме деньги

не нужны.

Можно без конца упрекать перевертышей в невежестве, показать на фактах, что первые советские пятилетки преследовали вечные проблемы развития индустриальной страны. Они существовали при Сталине, Брежнев, Горбачеве, Ельцине и будут стоять перед другими руководителями после них. И разумнее было бы не заниматься изобретением велосипеда, а проанализировать, каким образом недоучившемуся семинаристу Сталину, слесарям Хрущеву и Ворошилову удалось решить эти проблемы, а перестройщикам, напротив, уже на пятый год пребывания Горбачева у власти развалить экономику.

Скажут: сталинская индустриализация стоила больших человеческих жертв. Верно. Но за прогресс надо платить, и здорово платить. Вспомним, как ставил вопрос Сталин: отсталых бьют, все били Россию за отсталость, а отстали на 50 лет. «Мы должны пробежать это расстояние за десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут», – говорил он в речи «О задачах хозяйственников» в 1931 году. Он напомнил, что точно так же думал Ленин еще в канун Октября, когда писал: «Либо смерть, либо догнать и перегнать передовые капиталистические страны». Это был вопрос жизни и смерти. В этом один из секретов, почему народ поверил в Сталина, в большевиков. «Говорят, что трудно овладеть техникой, – развивал мысль Сталин. – Неверно! Нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять». И взяли-та-

ки! Перестройщикам трудно понять, почему тогда ставились конкретные задачи по выплавке стали, добыче угля и нефти. Они опошлили послевоенную сталинскую перспективу в экономическом развитии.

Кричали: Сталин, мол, думал лишь о тоннах проката и киловаттах электроэнергии. Люди для него ничего не значили. Чепуха! И клевета одновременно! Тонны, кубометры, киловатт-часы в любом обществе – в США ли, в Англии – являлись и являются измерениями процветания, благополучия и более того – свободного и независимого существования. И песни наши пелись про тонны, и сообщения о производственных рекордах воспринимались как большая семейная радость, поднимая людей на труд.

Да, Сталин не был безгрешен, он честно признавался: «Лес рубят – щепки летят». И еще он говорил: «Тот, кто ничего не делает, никогда не ошибается». Ведя страну от победы к победе, большевики и лично Сталин совершали ошибки, и не маленькие. Они же запатентовали в нашем языке термины «перегибать палку» или «левацкий уклон». В своей работе «Вопросы ленинизма» Сталин подробно разбирает вопрос о политике партии по исправлению допущенных ошибок. «Если она (партия) хочет остаться руководителем, должна пересмотреть свою политику, должна исправить свою политику, должна признать свою ошибку», – говорил он.

Красный том в 650 страниц озаглавлен: И. Сталин «Во-

просы ленинизма». Одиннадцатое и последнее издание 1952 года. Он чудом сохранился среди книг, хранившихся в моем гараже. Там же я нашел пожелтевший «Краткий курс Истории ВКП(б)». В течение всей перестройки ни одно издание не выходило без скандальных «разоблачений» сталинского руководства страной. Предвоенная часть «Вопросов ленинизма» заканчивается докладом на XVIII съезде партии, произнесенном 10 марта 1939 года. Что последовало потом, в течение 15 лет оставшейся жизни Сталина? Подготовка к войне, война с ее невосполнимыми жертвами, восстановление страны. В книге напечатаны речи Сталина времен войны, по случаю годовщин Великого Октября, приказы, отданные в качестве Верховного главнокомандующего, речь-тост на приеме в честь Дня Победы, статьи по вопросам экономики и языкознания, несколько абзацев выступления на XIX съезде КПСС.

Конечно, включи в книгу выступления Сталина на закрытых пленумах ЦК, на других совещаниях, информацию о встречах с хозяйственниками и зарубежными деятелями, как это стали делать со времен Хрущева, не хватило бы и тысячи страниц. Но при Сталине не баловали протокольной информацией ни советских людей, ни зарубежье. Анри Барбюсу удалось интервьюировать Иосифа Виссарионовича для книги «Сталин». На вопрос писателя «Считаете ли вы себя философом?» Сталин ответил, что он скорее деловой человек. И показал кучу бумаг по экономическим вопросам, ко-

которые ему надо было рассмотреть и подписать.

И право, если внимательно проштудировать «Вопросы ленинизма», обнаружишь, что ранние теоретико-философские работы Сталина сменяются его выступлениями по различным хозяйственным проблемам. Слог и стиль автора теряют черты научности и сбиваются на рассуждения директора предприятия перед своими подчиненными. Хотя, как всегда, речь Сталина не лишена ясности, железной логики, типично сталинской манеры говорить. Однако его выступления явно перенасыщены цифрами, таблицами. Теоретическое мышление Сталина слабеет. Возможно, от возраста, а скорее от отсутствия сильных политических противников, с которыми в былые времена остро дискутировал, ведя аргументированную полемику.

Прочитал я заново «Краткий курс» (изучал в школе, в военном училище, перелистывал в институте). Книгу перестройщики обвиняют в примитивизме. А мне показалось, что стиль и интеллигентность речи, особенно в первоначальных теоретических разделах, не ниже, чем в последних речах Сталина. Если бы ленинско-сталинские нормы строительства партии проводились в жизнь, она не превратилась бы в организацию, терпевшую в своих рядах карьеристов, взяточников, приспособленцев, начетчиков, потенциальных ренегатов и перевертышей.

О чистках в партии мы знаем весьма смутно. Вспомним, как настойчиво требовали делегаты провести чистку на пер-

вом горбачевском XXVII съезде и как Горбачев «теоретически» обосновал ее нецелесообразность. А ведь история КПСС – это прежде всего упорная борьба за ее чистоту и принципиальность. Какой видел Сталин партию? При Сталине коммунист имел одну привилегию – работать столько, сколько нужно, и там, где прикажут. В этом отношении партия мало чем отличалась от армии, где офицера не спрашивают, желает ли он служить в Заполярье или в Крыму. Пожалуй, лозунгом «Коммунисты, вперед!», рожденным на фронтах Отечественной, точно и ясно выражена роль партии. А ведь это значило первым идти под пули врага. Высоким моральным чертам коммунистов посвящены великолепные произведения советской литературы, которые сформировали многомиллионное поколение моих сверстников, считавших своим святым долгом умереть за Родину, за Сталина. Это поколение во многом предопределило нашу победу над фашизмом.

Перестройщики фальшиво лукавят, когда утверждают, будто коммунисты перечеркнули тысячелетнюю историю России, ее культурное наследие, надругались над общечеловеческими ценностями, накопленными за многие века. Это грубая и неумная ложь! Ленин учил, и мы это заучивали как аксиому: «Коммунистом можно стать тогда, когда овладеешь всеми знаниями, которые выработало человечество». Марксисты-ленинцы считали свое учение о социализме сплавом всех высоких идеалов человечества, в том числе выработан-

ных христианством. При Сталине мы учились жить и думать по Пушкину и Некрасову, по Гончарову и Толстому. Мысли о свободе, о борьбе за справедливость мы черпали из творчества Шиллера, Гете, Байрона, Диккенса, Дюма. Всех не упомянуть здесь. Книги советских писателей и музыка наших композиторов несли оптимизм, безграничную веру в новое общество, которое строилось на наших глазах.

Любопытно, что Сталин был весьма осторожен в похвалах, видел в успехах и сверхоптимизме, по его словам, «теневую сторону». Он предупреждал: «Есть опасность, что кое-кто из наших товарищей, опьянев от успехов, зазнается вконец и начнет убаюкивать себя хвастливыми песенками вроде того, что “нам море по колено”, что “можем хоть кого шапками закидать”». И напомнил о том, что подобное уже случилось в делах партии. А вот Хрущев подзабыл сталинское наизидание. У него голова закружилась от наших успехов в космосе, решил, что ему и океан по колено. Он заявил на весь мир, что обгонит Америку и «похоронит капитализм».

Сталин подвергал уничтожающей критике вельмож-бюрократов, бичевал сурово чинуш с партийным билетом в кармане, требовал снятия их с постов, невзирая на прошлые заслуги. В ходе реабилитации в журнале «Известия ЦК КПСС» я внимательно читал имена якобы невинно репрессированных и их прежние должности. В списках значились одни начальники и бюрократы! Редко когда попадался репрессированный рабочий, и, наверное, оказывал-

ся в этой компании по глупости. В перестроечное время, пользуясь безвластием и «гуманизмом» правоохранительных органов, развелось столько вельмож-казнокрадов, чиновников-взяточников, что был издан указ российского президента о борьбе с коррупцией. Если бы схватить всех за руку и судить, наверняка не хватило бы места в бывшем ГУ-ЛАГе. Но никто никого не трогал – лишь бы не подумали, будто копируется сталинский порядок и дисциплина.

Сталин обладал чувством юмора, шутил порой публично, но в меру. На I съезде колхозников-ударников он рассказывал делегатам о том, как на собрании колхозников одна крестьянка решила остаться вне колхоза, подняла подол и сказала: «Нате, получите колхоз». Под веселый смех делегатов Сталин добавил, что позже она передумала, искренне раскаялась и ее приняли. «И что же? Оказалось, что она теперь работает в колхозе не в последних, а первых рядах», – закончил Сталин под бурные аплодисменты.

Сталин говорил: «Прошли те времена, когда вожди считались единственными творцами истории, а рабочие и крестьяне не принимались в расчет. Судьбы народов и государств решаются не только вождями, но прежде всего и главным образом миллионными массами трудящихся». А перестройщики нас убеждали: «тиран», «деспот», называл народ «винтиками». Нет, это «псы перестройки» обозвали народ быдлом, скотом за то, что наши отцы и деды якобы проглядели Октябрьский переворот, а затем не восстали против ти-

рании. Сталин же считал народ «самым бесценным кладом» и фанатично мечтал выпестовать «нового человека», для которого труд был бы не тяжелой обязанностью, а «делом чести и геройства». Как фанатик он сметал с пути все, что мешало осуществить эту цель.

До сих пор удивляюсь, как сын сапожника, неученый, изгнанный из духовной семинарии, плохо, с сильным грузинским акцентом говоривший по-русски, неудачник в семейной жизни, смог победить сильнейших соперников из «ленинской гвардии»? В первую очередь он одолел Троцкого, энергичного еврея, отличного оратора, возглавлявшего вооруженные силы в ходе Гражданской войны. Как удалось Сталину заменить на высших постах троцкистов и поставить на их место своих сторонников, полуграмотных рабочих и крестьян? Каким оружием Сталин пользовался, чтобы разгромить троцкистско-зиновьевскую оппозицию и других врагов народа? Разгромил в дискуссиях, логикой коммунистических идей и планов построения социализма.

Недрузи Советского Союза вынуждены признать, что Сталин был «выдающимся государственным деятелем». Мало этого, Сталин был прозорливым руководителем. Стратегом! Он как бы с вершины видел далеко вперед. Весьма показательны его суждения о намерениях врагов социализма. Еще до войны, в 1938 году, на пленуме ЦК Сталин предупреждал, что враги страны намеревались прежде всего отказаться от социалистической собственности, под предлогом нерента-

бельности ликвидировать совхозы и распусти́ть колхозы, за-
кабалить страну путем получения иностранных займов и от-
дать в концессию наши промышленные предприятия. Сего-
дня после произошедших в 90-х годах перемен мы можем
твердо сказать: Сталин как в воду глядел!

ЧАСТЬ 2

ГЛАВНОЕ – СУДЬБА ДЕРЖАВЫ

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Критики Горбачева утверждали, что он не имел четкого и ясного плана действий. Да неужели? Чепуха, имел! Только боялся его обнародовать, был вынужден напускать туман, маневрировать, притворяться, будто не желает «загонять жизнь в кабинетные схемы». И, только оказавшись не у дел, лишившись президентства, Горбачев признал, что перестройка преследовала цель изменить существовавший строй. Скажи он об этом раньше, его сразу выгнали бы из Политбюро ЦК и судили за измену Родине по 64-й статье Уголовного кодекса, предусматривающей высшую меру наказания. К сожалению, в партии и государстве слишком поздно разглядели в действиях Горбачева подвох и предательство.

Едва вступив в должность генсека, Горбачев произнес доклад по случаю 40-летия Великой Победы над Германией. На удивление всем, докладчик упомянул о большом вкладе в разгром гитлеровцев Верховного главнокомандующего И. В. Сталина. Зал разразился бурными аплодисментами. Горбачев, видимо, сам испугался просталинских чувств аудитории

– ведь впервые за долгие годы официально, с самой высокой трибуны Сталин был упомянут с положительной стороны. Кстати, в докладе упоминались еще две фамилии – маршала Жукова и солдата-героя Матросова, закрывшего своим телом вражескую амбразуру. Внимательные наблюдатели, однако, заметили, что уже в докладе на XXVII съезде КПСС Горбачев мимоходом упомянул о продвижении рыночных отношений в экономику. Весьма отчетливо контрреволюционная программа Горбачева раскрылась в докладе по случаю 70-летия Октябрьской революции. В нем содержались тезисы для атак «демократов» на социалистический строй.

Как же так получилось, что наша интеллектуальная элита с энтузиазмом откликнулась на горбачевские призывы? К началу перестройки советская общественная наука, писатели, деятели культуры и искусства переживали глубокий «застой», их невостребованная энергия искала выхода. Хоть какого-нибудь! Главному идеологу брежневского ЦК Сулову, конечно, спасибо за то, что он держал в ежовых рукавицах идеологические порывы наших философов и их коллег в братских странах, пресекал малейшие попытки «обновить социализм». Может быть, ему больше, чем всем генсекам, мы обязаны за единство, монолитность и сплоченность соцлагеря. Однако работа наших идеологов часто характеризовалась бездельем и апатией. И вполне естественно, что когда горбачевщина бросила им сталинские кости, они бросились их рвать, как голодные собаки. Сколько же умов, вы-

сокообразованных и не очень, участвовало в пустопорожней дискуссии о «белых пятнах» истории! Ведь предстояло переосмыслить и переоценить все семьдесят с лишним лет после Октября. А как обрадовались эстрадные шутники и конференсье свежей пище, хотя она пахла мертвечиной! Интеллектуалы оказались при деле и были довольны. Когда прозрели, то поняли, что лишились государственных дотаций на науку, музеи, театры, кинематограф, на газеты с их соблазнительной гласностью. Наиболее жесткая критика в адрес Горбачева прозвучала на пленумах ЦК, затем на XXVIII съезде КПСС и на I учредительном съезде Компартии России. Раздавалась критика и раньше, но было видно, что партийные и государственные лидеры не реагируют на нее, а только хвастают гласностью и демократией, существовавшими в разрешенных рамках. Дарованный сверху плюрализм оказался для генсека весьма удобной штукой. Во-первых, он позволял беспрепятственно создавать «неформалов» вплоть до антикоммунистических «народных фронтов». Во-вторых, игнорировать любую критику в адрес вождя партии. Критикуй, кричи на всю ивановскую, ты выражаешь свою точку зрения, а я – свою. Стенограммы последних пленумов ЦК и съездов КПСС убедительно свидетельствуют о том, что генсек Горбачев не отвечал ни на одно конкретное критическое замечание, упражнялся в пространных выступлениях, часто на абстрактную тему.

Терпение коммунистов лопнуло на втором этапе учреди-

тельного съезда Компартии России. Он проходил в сентябре 1990 года. В президиуме сидел хмурый и не улыбочивый генсек. Он не выдал из себя даже пары приветственных слов по торжественному случаю – а ведь впервые была создана партийная структура РСФСР. Все республики Союза имели свои самостоятельные компартии, а Россия – нет. После того как съезд закончился, Горбачев попытался взять реванш: пригласил на встречу-беседу с ним всех желающих участников съезда. Он рассчитывал, что придут только его сторонники, и он сможет дать волю чувствам. Но несогласные с его курсом свистели, сыпались оскорбительные выкрики. В конце концов генсек заявил участникам встречи, что он дистанцируется от «вашего» съезда и что политика перехода к рыночным отношениям будет проводиться, несмотря ни на какое противодействие.

Не сумев воспрепятствовать возрождению Компартии России, генсек шантажировал ее руководителей, отказывая в финансовых средствах и помещениях для работы. Из-за его противодействия газета «Советская Россия» долго не получила статуса органа Компартии РСФСР, не могла пропагандировать решения учредительного съезда. Вот что, например, говорил один из делегатов съезда, фрезеровщик станкостроительного завода города Тюмени о рыночных отношениях: «Противоречивое мнение вызывает эта идея. Если раньше все дороги вели к коммунизму, то сейчас – к рынку. Коли на одном полюсе рай, а на другом – нищета, такой рынок нам

не нужен. Есть товарищи среди наших знакомых, которые за год сколачивают тысячное состояние и гордятся этим. Среди тех людей, которые под эгидой ЦК комсомола зарабатывают такое состояние, считается плохим тоном, если владелец видеотеки за год не скопил 100 тысяч рублей... Должен заметить, что в рабочих коллективах все чаще звучит призыв: “Вернуть страну к 1985 году!” Люди помнят, что было, и видят, что творится сейчас».

О необходимости кадровой работы в партии говорил секретарь райкома из Мордовской АССР. Он резко осуждал злопыхательство журналистской братии из стана «демпрессы»: «По части клеветы на партию и пройденный ею путь они перещеголяли даже зарубежные “голоса”... Очень хотелось бы, чтобы в состав партийных органов не проникали демагоги, крикуны, болтуны, карьеристы всех мастей, которые сумеют, прикрываясь партбилетом (а они ставят такую цель), развалить партию изнутри. Таких надо выявлять и гнать из рядов нашей партии. Кстати, они же проводят работу, направленную на ликвидацию партийных комитетов в производственных коллективах».

На мой взгляд, самую большую вину нужно вменить Сталину и самую суровую кару он должен нести вот за что. Он создал могучее государство, победил немцев и японцев, на чем споткнулись цари, а создать систему, гарантирующую избрание преемника-коммуниста, не смог. Ведь на посту генсека ЦК, главы нашего государства должен быть че-

ловек, не на словах, а на деле преданный социализму. Похоже, Сталин думал об этом, но не хватило времени. На последнем при его жизни XIX съезде партии он ликвидировал узкое Политбюро, создал расширенный Президиум, но не успел довести идею до конца. Результат – у руля государства встал Никита Хрущев, растоптавший в борьбе за власть имя Сталина и многие его добрые дела.

Брежневско-сусловское руководство также не придумало системы селекции лидера. Горбачев избирался генсеком по старинке – сначала узким кругом членов Политбюро, затем получил автоматическое одобрение нескольких сотен членов ЦК, которые собрались в спешке и на пленуме безмолвствовали. От этого выбора, как покажет время, зависело очень многое: сохранится ли социализм в нашей стране или произойдет его ревизия, возрождение буржуазного строя и капиталистической экономики. Вопрос стоял, пожалуй, гораздо шире: неужели человечество с избранием Горбачева теряло последний шанс пойти по пути установления в мире общественного строя, где царствовала бы социальная справедливость, где не было бы места животным страстям выживания сильных за счет слабых?

Кто подбросил нам антисоветский выбор? Среди голосовавших за горбачевский курс на апрельском пленуме ЦК 1985 года были скрытые перевертыши, в душе диссиденты, но с партбилетом в кармане, потомки раскулаченных и репрессированных. И снова можно предъявить претензии Ста-

лину. Не слишком ли самоуверенным был «великий вождь», не просчитался ли, когда уверенно говорил, что «сын за отца не ответчик», и думал перековать всех юношей и девушек в верных коммунистов? Самодовольство, головокружение от успехов затмило ему ум, когда он стыдил коммунистов за тревожные мысли при принятии Конституции 1936 года. Они предлагали не торопиться, не предоставлять пока избирательные права «лишенцам», бывшим белогвардейцам и священникам. Дорогой товарищ Сталин, спустя тридцать лет после твоей смерти «перестроился» всевидящий КГБ, и в первую очередь его руководство. Никто не удосужился заглянуть в автобиографию Михаила Сергеевича. Никто не догадался заставить кандидата в генсеки заполнить анкету как положено при поступлении на новую работу.

Он обманул нас, прикинувшись кристально чистым большевиком, до мозга костей преданным идеалам коммунизма. Уверял, что его жизнь прозрачна как стеклышко. И лишь на шестом году перестройки, в ноябре 1990 года, он разоткровенничался и признал, что рос в семье «врага народа». Оба его деда до революции были крестьянами-середняками. При советской власти один дед был репрессирован и сослан на лесозаготовки за невыполнение плана посева. Другой – организатор колхозов – тоже проштрафился и угодил в тюрьму. Разумеется, Горбачев попытался изобразить их невинно пострадавшими. Но разве не известно, что страна тогда жила по строгим законам и карала за малейшие нарушения: за

украденный сноп ржи, за увиливание от лесозаготовок, за клевету на руководителей государства.

Выходит, отнюдь не в силу высших теоретических предпосылок Горбачев воспылал ненавистью к Сталину и коллективизации. Получается, что он сводил счеты за дедов. Его примеру последовали многие. Даже убежденный коммунист Егор Лигачев на знаменитой XIX партконференции (он тогда был вторым лицом в государстве) публично с трибуны вспомнил о своих репрессированных родственниках. Что уж говорить о генерале Волкогонове, журналисте Лацисе, писателе Солоухине и многих других «демократах», которые писали злобные пасквилы на советскую власть, на коммунистов и в особенности на Сталина, отмечая, что сами они происходят из семей, которые пострадали от прежнего режима. Но где гарантия их беспристрастности, того, что ими не движет чувство мести и желание свести счеты?

Итогом политики Горбачева стали не только изменение сути нашего бытия, не только успешная тайная операция, о подробностях которой узнают наши правнуки. Мы теперь дорого расплачиваемся за нашу беспечность, за привычку жить и поступать на авось, за обывательство и разгильдяйство. Это результат элементарной потери бдительности.

ПРИВОДНЫЕ РЕМНИ

Нынешнее поколение едва ли видело токарные станки, приводимые в движение с помощью широких кожаных ремней. А мы, школьники 30-х годов, проходили «производственное обучение» на таких станках. Их установили в подвальном помещении благодаря шефству над школой завода «Красный пролетарий». Директор школы Пролыгин, бывший рабочий этого завода, лично вел уроки, запускал станок, переключал шкивы, вставлял патрон, резец и обтачивал деталь. Он не разрешал нам подходить к станку ближе чем на метр. Говорил, что приводные ремни старые, могут порваться и ненароком поранить. И хотя современные станки оборудованы автоматами пуска и переключения скоростей, приводные ремни не исчезли из нашей жизни. Они лишь называются иначе – скажем, ремень водяной помпы у мотора, ремень кинопроектора, ремень стиральной машины и так далее. Интересно, что средства массовой информации называли «приводными ремнями партии» и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе. В журналистике, как, впрочем, и в других творческих профессиях, сохранялась функция передачи идей и мыслей от ведущей силы к ведомой.

Всем народам, а нам в особенности, нужен плюрализм мнений. Не ради показухи, а ради дела. Ради трезвого и глубокого сопоставления разных точек зрения, отсеивания ма-

лоэффективных предложений, выбора оптимальной идеи. К этому призывал даже Сталин во время дискуссии о языкознании. Но перестроечная пресса времен Горбачева не допускала инакомыслия. О том, что существуют несогласные, возмущенные ходом перестройки, из публикаций «демпрессы» можно было догадаться в редких случаях. Мне возразят: разве известное письмо Нины Андреевой, напечатанное в «Советской России», не свидетельствует о плюрализме? никоим образом. Как раз подтверждает мою мысль. Оно появилось в одной, пусть и популярной газете, но зато вся «демпресса» и, что особенно странно, орган ЦК «Правда» 3 апреля 1987 года по указке Горбачева развернули широкую кампанию травли ленинградской преподавательницы. Сам «серый кардинал» Суслов наверняка позавидовал бы настырности и изощренности, с какими проводилась эта кампания, или, напротив, гордился воспитанными им самим кадрами пропагандистов. Как бы там ни было, но Андреева была использована как пугало, а ее имя стало нарицательным. Перестройщики первыми приклеили ей оскорбительный ярлык «догматика», «врага перестройки», хотя сами кричали оппонентам: «Не приклеивайте ярлыки!»

Руководящий перст перестроечного ЦК легко прослеживался в действиях прессы и, разумеется, радио и телевидения. Внимательный наблюдатель мог легко прийти к выводу, что прессой по-прежнему руководят из одного центра, раскрыв только две газеты – «Правду» и «Известия» за 1 янва-

ря 1988 года. Обе ведущие газеты напечатали резкие статьи с осуждением «казарменного социализма». Статьи были написаны зло, в духе разгромного фельетона. Ничего себе развлекательное чтиво преподнесли они на Новый год! В эти праздничные дни во всем мире и у нас тоже печатаются веселые святочные рассказы, сказки, оптимистические стихи, сопровождаемые радостными картинками. На этот раз в духе добрых суловских традиций обе центральные газеты обозначили свой курс на новый год. Сами придумали? Как бы не так. Перестройщики руководствовались антисталинским докладом, произнесенным Горбачевым по случаю 70-летия Октября в ноябре 1987 года. Коротичи и адамовичи моментально отреагировали на сигнал и стали разрабатывать тему «белых пятен» нашей истории, заливая их грязью.

Роли были строго распределены. Одни в стиле желтой бульварной прессы оплевывали коммунизм, другие, как «Известия», терпеливо, из дня в день обкатывали сначала идею «терпимости к чужому мнению» (считай – диссидентскому), затем проблему «плюрализма», а в конце концов – философию «конструктивной оппозиции». «Правда» сосредоточилась на публикации целых полос, посвященных советскому периоду. Она приглашала ведущих «марксистов» показать, каким плохим был Сталин, отступник от ленинского «завещания». В некоторых соцстранах быстро разглядели, какие из московских изданий идут в русле антикоммунизма: в ГДР и на Кубе запретили распространение «Московских ново-

стей» и «Нового времени», печатавшихся на иностранных языках.

Большинство рядовых журналистов поверили в столь привлекательные лозунги, как свобода слова, свобода печати и плюрализм. В армии журналистов есть совсем немного генералов-полит-обозревателей, глядящих в рот главнокомандующему, редактору газеты. Остальная масса – солдатская, вечно на побегушках. Недаром говорят: журналиста ноги кормят. Посылают брать интервью у прохожих на площади или в кабинетах у видных людей. Словоохотливые перестройщики Собчак, Шахрай, Бунич, Старовойтова, Якунин и К^о. всегда соглашались дать интервью.

Напрасно думают, что журналист – человек семи пятей во лбу. На самом деле он ловкий верхогляд и дилетант. Он обязан писать на любую тему, ибо редакция не в состоянии держать огромный штат, иметь специалистов-знатоков на все случаи жизни. Но журналист должен обладать особой интуицией: уметь выхватить из потока информации важную крупицу. И еще его специфическое качество – это умение вообразить, домыслить в пределах правдоподобия. Это умение достигается с годами. Однако большинство журналистов молоды и неопытны. Этим объясняется поверхностное освещение событий в газетах.

В моей «Комсомолке» трудилось всего шесть сотрудников, писавших о международном положении. Приходилось быть «мастером на все руки». Помню, меня вызвал Аджубей

и сказал:

– Садись и срочно в номер пиши о провокации в Лондоне. Слышал о рекордсменке Нине Пономаревой? Ее обвинили в ерунде: будто бы она украла шляпку в магазине. Есть шанс повозмущаться рыцарями холодной войны. Давай, действуй!

– Бегу!

К счастью, мне, по образованию «англосаксу», были хорошо знакомы политика Англии, нравы и обычаи англичан, а также Оксфорд-стрит в Лондоне, где случилось происшествие. Писалось поэтому легко. Но в другой раз Аджубей распорядился:

– В Венгрии контрреволюционеры подняли мятеж. Не слышал? Конечно нет. Пока об этом в редакции знают я и ты. Садись, пиши строк двести. В твоём распоряжении два часа. Возможно, за это время что-то передаст ТАСС. Я приказал сразу принести тебе. Действуй!

Вскоре мне пришлось писать передовую о новой конституции... Народного Китая. Мне думалось, что с переходом в «Известия» я смогу сконцентрировать внимание на английских проблемах. Газета имела два полнокровных международных отдела, солидный штат сотрудников.

Увы, мне, только что вернувшемуся из Англии корреспонденту, поручили писать о предстоящих выборах в... Бразилии, затем о... западноберлинском урегулировании. Стоит ли ругать журналистов за отсутствие компетентности и профессионализма при такой системе работы.

Правда, нас выручал МИД. Мы регулярно посылали в его отдел печати свои материалы для консультации и страховки от политических и фактических ошибок. Очень часто товарищи-дипломаты помогали нам избежать обыкновенных глупостей, допущенных в спешке, неточных названий. «Известия» считались правительственным официозом, и каждая строчка в этой газете внимательно прочитывалась во всех посольствах в Москве. Перестройщики же объявили, что отдел печати МИД является жесткой тоталитарной цензурой. Могу заверить, что подобного рода консультации осуществляются и в западных странах. Они отличаются лишь каналами связи, уровнем консультантов. Любой журналист без компетентных консультаций и проверенной информации обречен на неудачу и на поверхностное толкование событий.

Увы, перестроечные международники игнорировали эти элементарные правила и часто попадали впросак. Им вскружила голову эйфория свободы и независимости. Как ни горько в этом признаться, но абсолютной свободы не существует в природе. Даже диктатор из диктаторов Иосиф Сталин не был свободным и независимым в своих действиях. То отступал под напором крестьян, не желавших вступать в колхоз, то подписывал договор о дружбе с заклятым врагом Гитлером. Хитрецы английские политиканы, дабы подсластить горький вкус понятия «зависимость», выдумали весьма приятный термин «взаимозависимость». Получилось довольно забавно: зависят друг от друга редактор и рядовой журна-

лист, метрополия и провинция, империя и колония. В самом деле, разве нет взаимозависимости между львом и антилопой? Но это шутки. А в жизни есть «ведущие» и «ведомые». У стаи журавлей, улетающих на юг, у эскадрильи бомбардировщиков, у «восьмерки» гребцов на лодочных соревнованиях, у политических партий, у государства. Важно, чтобы ведомые доверяли своему рулевому, считали его курс правильным.

Первые шаги рыночной экономики показали, что газеты, которые наиболее рьяно ратовали за нее, стали ее первыми жертвами. Неудивительно, ибо там, «за бугром», нет независимых газет. Мы же отлично знаем и восхищаемся, что капиталист зря денег не тратит. Если газета не приносит дохода, зачем она нужна капиталисту? «За бугром» подсчитано, что до 60 процентов доходов газеты составляют поступления от публикуемых рекламных объявлений. Естественно, что капиталист, которого коммунисты призывают ликвидировать как класс, не поместит свою рекламу в коммунистической газете. Я часто видел в разных странах тонкие многотиражки, издаваемые коммунистами. Их продавали не в киосках, а на углах улиц бойкие парнишки, видимо, отпрыски коммунистов или симпатизирующих им. Незавидная судьба ждала центральную «Правду», которая сама себе вырыла могилу, способствуя ликвидации КПСС, «Комсомолку», с ухмылкой радовавшуюся роспуску ВЛКСМ, да и «независимую народную» газету «Известия», лишившуюся опоры в лице Верхов-

ного Совета СССР. Правительство «демократов» не скрывало намерений поддерживать «свою прессу», щедро выделяя ей дотации. Пожалуйста, господа «независимые» журналисты, служите на задних лапках и получите лакомый кусочек. Нисколько не циничное умозаключение. Это логика и реальность рыночных отношений.

Такие, как Коротич или Егор Яковлев, сделали большую карьеру благодаря перестройке. Они «приближали, как могли» победу «революции сверху». Дети XX съезда пожали обильные плоды. Правда, мне непонятно, прочему они не открыли свои объятия Алексею Аджубею. Возможно, потому, что он в своих публикациях слишком восторженно защищал и оправдывал деяния Никиты Хрущева на международной арене.

На его взгляд, непредсказуемость действий Хрущева в определенной степени пугала Запад. Печально, что никто из перестройщиков не вспомнил об открытии Хрущевым третьего мира и установлении сотрудничества с освободившимися от колониализма государствами Азии и Африки. Привлечение стран с многомиллионным населением на нашу сторону усиливало позиции СССР на мировой арене. Ради призрачных сиюминутных выгод перестройщики отказались от этого политического багажа. В этом отношении они сомкнулись со Сталиным, который тоже не признавал ни Дели, ни Каир. Лидеры нарождавшихся независимых государств казались ему колониальными марионетками. А может, он лу-

кавил, не желая тратить на них ни копейки, в отличие от Хрущева, отвалившего не один миллиард долларов то на стадион в Джакарте, то на Асуанскую плотину в Египте.

В условиях холодной войны международники не всегда находили эффективные методы, чтобы противостоять идеологическим противникам, но свою миссию выполняли честно и энергично. Иногда по праздникам я прикалываю на пиджак значок, купленный на толкучке в Измайловском парке. На нем написано: «Ветеран холодной войны». Эта война была начата не нами, велась с обеих сторон как всякая война, и были в ней свои рыцари и гвардейцы.

КАНАДСКИЕ ПРЕРИИ

Комната чуть больше десяти квадратных метров, низкий потолок, небольшой письменный стол прижат так близко к стене, что непонятно, как может за ним разместиться в кресле человек. Лицо человека не выражает эмоций. Говорит он хрипловатым басистым голосом, полушепотом, чувствуется, что разговаривает с тобой нехотя. Такое впечатление на меня произвел хозяин тесного кабинета, бывший высокопоставленный сотрудник ЦК, а сейчас ссыльный посол в Канаде Александр Николаевич Яковлев.

Мне приходилось беседовать со многими советскими послами. Все, как правило, были вежливы и словоохотливы. И внимательно выслушивали любого гостя. Служебная задача посла – аккумулялировать информацию и обобщать ее смысл. Информация может быть уже известной, но повторенная из другого источника становится подтвержденной и важной. Я проехал всю Канаду, от Монреаля до Ванкувера, встречался с видными людьми, чиновниками министерств, бывал в смешанных советско-канадских компаниях, у фермеров. Нет, чрезвычайного и полномочного посла СССР в Оттаве А. Яковлева мои наблюдения не заинтересовали.

– Канадские власти отказали «Известиям» открыть корреспондентский пункт, – доложил я послу. – Мне отказали в дальнейшем пребывании. Уезжаю домой, самолет летит завтра.

– И сколько же вы пробыли здесь?

– Два месяца.

– И то хорошо, – сказал А. Яковлев и встал из-за стола, чтобы попрощаться.

Почти всю жизнь я испытывал внутри какое-то чувство уверенности, что наша огромная страна должна быть и есть самая богатейшая и самая могучая. И мало кто из нас задумывался о том, что «шестая часть суши» – необъятный океан тундры, тайги, пустынь и гор.

Меня всегда мучил вопрос: неужели эта истина неведома нашим вождям? И Хрущеву, и Горбачеву, любившим колесить по миру? Правда, все они видели природу сквозь затемненные окна лимузинов. То были официальные визиты. Но Горбачев бывал в Англии и Канаде, когда еще не был облечен рангами генсека и президента. В сопровождении посла Яковлева он объехал канадские прерии – пшеничный пояс шириной 300 километров, простирающийся с востока на запад у границы с США. Посол наверняка говорил ему о могучем стимуле частной собственности, указывая на богатые фермерские постройки, округлые лица их хозяев, на силосные башни и широкий набор сельхозтехники. Воздух, просторы – все напоминало Горбачеву родное Ставрополье. Он, потомственный хлебороб, сравнивал: есть нечто схожее между «пшеничным поясом» Канады и раздольем Ставрополья. В самом деле, в моей родной деревне Чувашихе поля еще покрыты снегом, а в Ставропольском крае и в сосед-

нем Кубанском уже начинают сеять. Собирают там богатые урожаи, строят прочные кирпичные дома, живут богато. Но, к сожалению, на «одной шестой» нет больше подобных райских уголков. На языке специалистов в основном наша земля называется «зоной рискованного земледелия». А случается, что и совсем не родит земля из-за засухи или морозов.

Увы, вместо того чтобы заняться практицизмом, посоветоваться с природой, мы сваливаем невзгоды на якобы порочную политическую систему. Вместо того чтобы провести в деревню хорошие дороги, подключить газ, мы объявляем войну колхозному строю (только потому, что его выдумал «вождь народов») и силой внедряем фермерство, оно-де преобладает в сельском хозяйстве на Западе. Но ведь легко понять, что и колхознику и фермеру одинаково нужны и техника, и газ, и электричество. Вместо того чтобы вылизывать, как канадцы, земли, расположенные в благоприятных климатических условиях, мы хотели удивить мир, внедряя кукурузу аж в Заполярье. Пора же понять, что слепое копирование западного – вреднейшая затея! Совершенно очевидно, что агродело в США, Канаде, Англии и всей Западной Европе процветает в климатических условиях, резко отличающихся от наших. Не помню, в каком месяце Горбачев побывал в Англии в ранге секретаря ЦК, пусть зимой, все равно он должен был заметить, что лондонские дома не имеют двойных рам, люди одеты легко, а коровы пасутся круглый год. Не заметил! Почему-то там всегда теплее, а во многих

южных районах никогда не выпадает снега. Теплое течение Гольфстрим, рождающееся в Мексиканском заливе, в тропиках, уходит на север все дальше и дальше. Сначала его самые горячие воды согревают Восточное побережье Соединенных Штатов, затем берега Канады. Течение греет Исландию, Англию, Скандинавию, даже оказывает благотворное влияние на климат Прибалтики и... Мурманска, самого северного нашего незамерзающего порта. Западное побережье США согревается другим теплым течением. Оно рождается в Тихом океане, напротив Мексики, и продолжается вплоть до Аляски с незамерзающим портом и административным центром Анкоридж. Для сравнения: перуанская столица Лима, находящаяся недалеко от экватора, омывается холодным течением Антарктики, и на песочном побережье Перу даже летом редко увидишь купающихся – холодно.

А какое, скажите, теплое течение обогревает нашу страну? Нет такого! Нас крепко сжимает в объятиях Северный Ледовитый океан. Такого эпитета больше не знают географы. И этим сказано все. Никто, кроме нас, не строит атомных ледоколов и не носит валенки...

Я много думал, почему бы нам в Москве, как в Лондоне в Гайд-парке, не создать свой «угол спикеров», где можно было бы ругать правительство с утра до ночи и, выпустив пар, прийти домой и крепко заснуть. Увы, в Москве зимой даже стопроцентного «демократа» сдует с подобного угла лютым морозом. Что-то не припомню, чтобы Попов и Афанасьев

собирали по зиме свою демократическую рать на Манежной. В Москве, говорят, зима длится двенадцать месяцев, остальное – лето.

Горькая шутка, но в ней – правда жизни. Исколесив многие жаркие страны, я проникся особым уважением к жителям северных широт, и в первую очередь к своим соотечественникам. За то, что они наловчились строить помещения и машины, которые не промерзают в суровые морозы. За то, что у нас в страшную стужу не лопаются водопроводные трубы, а смельчаки-моржи купаются в прорубях заледеневшей реки. Просто за то, что они согласились жить в таких суровых климатических условиях.

ДАЕШЬ КОНВЕРГЕНЦИЮ

Не знаю, может быть, Александр Яковлев был не в духе – и такое бывает с послами, но приятного впечатления произвести он не хотел. Возможно, еще не «отошел» от московской нервотрепки, когда за крамольную статью был уволен из Агитпропа ЦК.

Не стоит пересказывать резкую критику, прозвучавшую в его адрес на XXVII съезде КПСС за «развал идеологии». В результате его не переизбрали в члены Политбюро и даже в ЦК. Со Старой площади Яковлев перебрался в Кремль, став членом Президентского совета. От партийной критики ему удалось укрыться под крылом Горбачева. Нетрудно догадаться, какого рода советы давал Яковлев своему шефу. В канун съезда он признался в интервью «Правде», что еще с 60-х годов начал пересматривать свои взгляды на социализм и стал исповедовать... конвергенцию капитализма и социализма. А мы-то мучились-гадали: куда нас ведут-толкают? Оказывается, к капитализму, заменив его обветшалую вывеску на новую под названием «рыночные отношения».

Многие люди уже в первые годы перестройки забили тревогу, завалили газеты письмами, выражая возмущение насаждением в нашем обществе капиталистических порядков и морали. Большинство «прорабов перестройки» отметили обвинения, говорили об обновлении социализма. Дру-

гие, подобно известинцу Александру Васинскому, явно по команде сверху проталкивали идею «терпимости» к чужому мнению, то есть к пробуржуазному сознанию. Когда с 1992 года стало ясно, что рынок – это грабительский взлет цен, не стало слышно голосов проповедников буржуазного «светлого будущего». Словно потеряли они голоса. А ведь какими медовыми трелями заливались, воспевая этот самый рынок. Он, мол, судьбоносный этап в нашей истории, определит будущее не на год-два, а на десятилетия. Он – панацея от всех бед, ему нет альтернативы. Вдумайтесь, вспомните, какие звучали красивые слова и речи: рынок – свобода выбора, раскрытие талантов, самореализация человеческих способностей.

Давайте разберемся. Кроме СССР, Китая, Кубы и некоторых стран Восточной Европы и Азии, подавляющее большинство государств мира давно жило и живет по законам рыночной экономики. Но будем честны, только «семерка» высокоразвитых относится к числу процветающих, хотя и в этих странах есть миллионы безработных, нищих, бедняков, дискриминируемых, о чем «прорабы» умалчивают.

Сужу по личному опыту и впечатлениям. Самая процветающая и перспективная страна – Канада. Об этом говорят ухоженность ее городов и фермерских хозяйств, роскошь небоскребов Монреаля и Торонто, обильная и вкусная франко-украинская кухня, пышущие здоровьем люди, относительно небольшое число безработных, получающих доста-

точное пособие на содержание семьи. Канада богаче США ценнейшими ресурсами – никелем, нефтью, газом, лесом, бумагой и пресной водой, которой не будет хватать человечеству. А на другой части Западного полушария есть богатейшая природными ресурсами страна – Бразилия. У нее не менее талантливые инженеры и архитекторы, но она страдает от массовой нищеты и безработицы, от болезней и неграмотности населения. И в Канаде, и в Бразилии господствует капиталистический рынок, но условия жизни населения совсем разные. Из таких контрастов состоит весь наш мир. Происхождение контрастов объясняется историей и современным развитием государств.

Известно, что Канада и США два столетия не знали войн на своей территории, подобно Швеции и Швейцарии. Во Вторую мировую войну их «фабриканты оружия» нажили многие миллиарды долларов, пополнив за счет налогов и государственную казну. Канадцы и американцы могут себе позволить поддерживать безработных. Причем они вывели своеобразный закон безработицы: нехорошо, если слишком много безработных, тогда обстановка чревата социальным взрывом, но так же нехорошо, если слишком мало безработных, – рабочие становятся несговорчивыми, упорно торгуются при заключении коллективных договоров с предпринимателями.

А мы чем можем похвастать? Большевички восприняли лозунги Французской революции – свобода, равенство и

братство. Они взвалили на себя и на страну тяжелый груз, стремясь уравнять всех. Не секрет, что велась «борьба с тунеядством», при которой ставилась задача трудоустроить и лентяев, и уголовников – часто в ущерб интересам честных и скромных тружеников. Что-то, а равенство и братство, «дружбу народов» в лучшем смысле мы создали. Благодаря «казарменному социализму» страна превратилась в мощнейшую индустриально развитую державу. А вот подлинного и массового духа коллективизма, социалистического сознания не хватало. Мечта о создании «нового человека» с трудом продвигалась в реальную жизнь.

Прекрасная и вечная мечта! Академик Абалкин утверждал (не он один, но он – один из первых), что социализм – это прежде всего высокий уровень жизни. В конечном счете – да, но не в первую очередь. Главное при социализме – достичь социальной справедливости. И мне понравились первые речи Горбачева, в которых он упоминал об этой цели. Но впоследствии о социальной справедливости он перестал говорить. И понятно почему. При рыночной экономике не может быть справедливости в распределении доходов, их делит богатый собственник, а работник обречен на получение щедрот с барского стола. Чингиз Айтматов перед отъездом в Люксембург на должность посла поучал нас, что нет лучшего хозяина, чем собственник. Получается: наилучший работник тот, кто работает на себя, гребет под себя. Какой уж тут социализм, нечего его приукрашивать словами «гуманный,

демократический». Это стопроцентный капитализм, умеющий выжимать все соки из работника. Он играет на струнах частнособственнической психологии, которая, увы, жива в каждом человеке.

Не знаю, какая может получиться конвергенция, если социализм ценит коллективизм, чувство локтя, взаимную вырубку, а капитализм исповедует индивидуализм, эгоизм, мораль «своя рубашка ближе к телу». Конвергенция, вероятно, возможна в голове и душе академика Яковлева. Но это – его личное дело, беда, однако, в том, что он потребовал от каждого из нас перестроить свое сознание.

Каждая эпоха рождает своего героя. Ему внимают, подражают, за ним следует. К сожалению, за годы перестройки прорабы преуспели лишь в снятии с пьедесталов старых героев и не создали кумира конвергенции. Почему, в самом деле? Разве не известны его черты, душевные порывы? Уж если наша творческая интеллигенция не имела смелости нарисовать портрет рвача и спекулянта, то можно переосмыслить и по-новому прочесть пьесы Островского, Чехова, романы Достоевского и Толстого, в которых много подходящих персонажей. Уместно обратиться и к классикам западной литературы, осудившим торгашество, рыночные, меркантильные отношения в любви и браке, буржуазную мораль.

Капитальный ремонт государства проводят постепенно, начиная с крыши или стен, не трогая фундамента. А перестройщики принялись рушить все, будто могли переселить-

ся в чужой соседний дом. Нет его, и не скоро он будет. Провести конвергенцию в умах советских людей – задача архисложная, если вообще возможная. Павел Бунич, пожалуй, откровеннее всех раскрыл суть горбачевщины. Она предполагает свободу конкуренции, предпринимательства, свободу обойти соседа и помахать ему ручкой. «Пусть неудачник плачет, кляня свою судьбу» – девиз Павла Бунича. Однажды на страницах «Московской правды» он вконец разоткровенничался: «Пугают, что будет кому-то худо. Не исключаю. Рынок – беспощадное занятие. Вообразим, что у нас как в Америке. Всем там хорошо? Нет. Есть и бездомные – любимая тема нашей пропаганды, есть неудачники. И ничего – все, что называется, плывут. Один быстрее – мировой рекордсмен, другой медленнее. Но утонувших – немного, хотя даже в идеальном рынке они есть. Сегодня фортуна прошла мимо, завтра – улыбнулась. Жизнь не прямая линия, в ней много зигзагов. У американцев бытует поговорка – не носи все яйца в одной корзине. Занимайся несколькими делами, вкладывай акции в разный бизнес!»

Какой цинизм! Уж если и судить страшным судом большевиков и «застойщиков», то прежде всего за выращивание в стенах социалистических академий таких членкоров, как Бунич!

Нет, господин Бунич, бывший член ЦК КПСС, ваша мораль не конвергируется с гуманным и негуманным социализмом. Ваши свободы – изоциренный обман народа, пенсионе-

ров и инвалидов, ветеранов войны и труда, всех советских людей, у которых при первых шагах насильно внедренного рынка корзина для продуктов оказалась совсем пустой. Ваш зигзаг перевертыша – прямая дорога к свободе господства богатых над бедными!

НАРОДНЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Вот так было 50 лет назад в Англии:

«Какие бы экономические трудности и политические потрясения ни испытывала Англия, прибыли крупных компаний из года в год растут. Есть другое постоянно действующее явление в “уэлфейр стейт” – рост стоимости жизни. Чтобы свести концы с концами, у рабочего остается один выход – вести ожесточенную стачечную борьбу. Только таким путем иногда удастся вырвать у предпринимателей прибавку к зарплате.

“Равные возможности”, “благосостояние для всех”! Сколько изводится чернил, а забастовки не прекращаются. Не зря ли едят хлеб буржуазные философы? Они учат, что можно якобы найти “золотую середину” между требованиями рабочих и устремлениями “необузданного индивидуализма”. Они пропагандируют затухание классовой борьбы, некий “мир” между рабочими и капиталистами – так называемую буржуазную философию “народного капитализма”.

Эта философия не только пропагандируется, она подкрепляется финансовыми операциями. За последние годы в Англии были созданы компании “Бритиш шерхолдерз”, “Юникорн” и другие, занимающиеся распространением мелких акций среди населения. Как пишет профсоюзный журнал “Джорнел”, цель этих финансовых операций состоит в

том, чтобы “заинтересовать рабочих в капитализме, ослабить борьбу профсоюзов за повышение зарплаты”. Каким образом? Пожалуй, стоит рассказать о том, как в городах Стоктоне и Хартлупе рабочих задумали превратить в... капиталистов. Не двух, не трех, а сто сорок тысяч рабочих компании “Империзэл кемикэл индастриз”.

Компания решила выдать заработную плату не деньгами, а акциями, ценными бумагами, которые ежегодно приносят определенный процент прибыли. Хозяева приходили в умиление от этой затеи. Осуществись она, забастовки прекратились бы, ибо рабочие бастовали бы в ущерб самим себе, думали монополисты. Не выйдут рабочие на работу – пострадают доходы компании, а значит, владельцев акций, то есть самих рабочих.

Не рискованное ли дело задумала “Империзэл кемикэл индастриз”? Отнюдь нет! Газеты писали, что рабочим хотели всего-навсего лишь привить “чувство владельцев бизнеса”. Контрольный пакет акций оставался в руках хозяев компании. Они могли безопасно распродать мелкие акции среди ста сорока тысяч рабочих. Каждому рабочему причиталось по тридцать—сорок двухфунтовых акций. Например, при пяти процентах годовых рабочий получил бы доход в полтора-два фунта. На эти деньги можно прожить два дня, а что делать остальные дни в году? Работать на хозяина-капиталиста, который, имея акций на миллион, получает доход в пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Те же проценты, а ка-

кая поразительная разница!

Итак, под Рождество число акционеров “Империэл кеми-кэл индастриз” сразу увеличилось на сто сорок тысяч. Вероятно, по этому случаю устроили бы пышные торжества, произнесли восторженные речи, объявив, что рабочие перестают быть рабочими, будут впредь именоваться “народными капиталистами”, заложили бы в честь такого сенсационного события памятник. Но не успели.

Получив акции, рабочие бросились их продавать. Такого столпотворения никогда не видели на бирже. У касс выстроились предлинные очереди, брокеры сбились с ног, работали сверхурочно. Столпотворение продолжалось и на следующий день. “Какое невежество! Они не знают цену акциям!” – шептались биржевые клерки. А капиталисты негодовали: “Они презирают нас, а мы пригласили их за свой стол”.

Рабочие спешили отделаться от акций, потому что на эти ценные бумаги много не купишь в магазине. А покупки предстояли солидные: приближалось Рождество».

(Силантьев В. И. Фог рассеивается. М.: Молодая гвардия, 1961.)

А вот так стало в России:

«Мой муж Амарханов Иван Ефимович работал на ТЭЦ ВАЗа в г.Тольятти. И в 1995 году ему предложили приобрести акции РАО “ЕЭС”. Так как 500 руб. за каждого рабочего вносило предприятие, то и муж мой, как и все, еще своих отдал 500 руб. Акции он не получил, но вроде считался ак-

ционером. И вот с 2009 года ему стали присылать приглашения приехать на отчетно-перевыборное собрание.

Приглашения для нас как насмешка – мы оба инвалиды. Муж – 1-й группы, полностью парализован. А я – инвалид 2-й группы. Затем мы стали получать чубайсовские дивиденды – такие, что все люди смеются. Чтобы не быть голословной, сохранила квитанции. Ну как не стыдно Чубайсу присылать такие деньги! Вот последнее извещение: на наши 628 акций причитается дивидендов 31 копейка. Чтобы получить 31 копейку, мне надо потратить 30 рублей на дорогу до почты и обратно. Тариф проезда на автобусе у нас – 15 руб. в один конец. Терпеть такое издевательство нет сил!

А. Чубайс развалил всю энергетику и у трудяг последний рубль отнял.

Господи, что же это за руководство такое у нас в стране?! Да еще чернят СССР, когда все сами развалили».

(Амарханова Л. С. // Советская Россия. 2011. 24 сентября.)

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Мой тесть, известный инженер-строитель Андрей Евгеньевич Страментов, родился в 1902 году и унаследовал таланты и способности своего отца, Евгения Федоровича. Из семейного альбома Страментовых мне запомнилось несколько фотографий. Вот Андрей Евгеньевич в фуражке на студенческой практике среди инженеров и прорабов на стройке. А вот он совсем еще молодой специалист, но уже с тремя орденами на пиджаке: Красная Звезда, «Трудовик» и «Знак Почета». А тут он снят на Крещатике в Киеве – что-то объясняет Хрущеву, показывая на послевоенные развалины. А вот он сфотографирован в Ницце, в Лондоне и в Будапеште.

Андрей Евгеньевич любил элегантно одеться, курил дорогие папиросы. Он был человеком, знающим себе цену, способным творить, учить, командовать. Он начал карьеру с реконструкции московских набережных, облицовывая их гранитом. Орден Трудового Красного Знамени получил за работу, от которой все отреклись, – за несколько ночей сумел булыжное покрытие Красной площади заменить брусчаткой. Дальше – больше: профессорская кафедра, институтские учебники, один из них был переведен на немецкий язык в Германии.

У себя дома он принимал видных архитекторов, веду-

щих театральных актеров, идеологических работников, журналистов-международников. Андрей Евгеньевич был интеллигент с большой буквы.

Тесть принимал друзей в гостиной, где на стол подавалась изысканная еда – черная и красная икра, копчености, фрукты. И всегда присутствовала бутылка марочного коньяка. Я уважал изысканный вкус хозяина, но однажды пошутил, что после трудного дня в редакции хорошо бы съесть тарелочку щей. Намек был понят.

Меня поражало, что тесть искренне и с большим любопытством интересовался международным положением. Задавал столько вопросов, что приходилось отбиваться шуткой: мол, не так вы, профессор, прожили жизнь, у вас же талант задавать вопросы, брать интервью. Тесть страдал гипертонией, но таблеткам предпочитал рюмочку хорошего коньяка.

Профессор Страментов тогда содержал няню для детей и повариху, личную машину и водителя. Под Новым Иерусалимом в Истринском районе он построил дачу. По западным меркам он жил на уровне среднего буржуа, зарабатывая лекциями и переизданиями учебников. Он получал достаточно для того, чтобы иметь чуть больше, чем можно при социализме.

Андрея Евгеньевича хоронили с большими почестями на Новодевичьем кладбище. Был выделен правительственный катафалк и эскорт мотоциклистов. На Зубовской площади

было приостановлено движение транспорта в сторону кладбища. «Будто члена Политбюро хоронят», – поделился я впечатлениями с главным архитектором Москвы Посохиним, давним другом моего тестя. Тот не удивился: «Андрей Евгеньевич строил Москву, работал совместно со строителями, Моссоветом, ГАИ, прокладывал мосты, дороги. Его уважают тысячи москвичей – от рабочих до ученых».

Мне довелось видеть десятки больших городов мира. Москва не уступит им по масштабности и оригинальной архитектуре. Еще до войны Москва обзавелась широкими магистральями под стать нью-йоркским, красавцами-мостами. Послевоенные высотные здания с острыми шпилями войдут в историю столицы как образцы сталинской архитектуры. Они будут стоять века. Пустые хлопоты тех, кто оплевывает соцреализм, с усмешкой взирая на настенные панно станций Московского метрополитена. Они будут вечно повествовать о новой поре нашей истории, о всеобщем энтузиазме советских людей – выходцев из крестьян, рабочих, купцов и интеллигентов-инженеров. Потомки не забудут их труд, их имена.

В 1939 году молодой профессор А. Страментов предложил через газету «Известия» идею сооружения Кольцевой дороги вокруг Москвы. Он привел точные расчеты стройки. Протяженность Кольцевой – 100—120 километров. Объехать столицу по Кольцевой можно будет за час, так как полотно и обустройства позволят развивать скорость 120—150

километров в час. Намечено было достаточное число мостов, туннелей, развязок. От центра до Кольцевой 10—15 километров. Проезжая часть в одну сторону – 9 метров. Вполне широко.

К сожалению, война сорвала стройку. Объявленный конкурс, в котором были задействованы лучшие архитекторы и инженеры, пришлось надолго отложить. Лишь в 1962 году состоялось открытие Московской кольцевой автодороги.

СИМВОЛЫ СТАЛИНСКОЙ МОСКВЫ

Мне, деревенскому парню с Владимирщины, повезло: представилась возможность перебраться с родителями в Москву и начать жизнь в столице. Мы жили на улице Шаболовка, на которой в 30-х годах стояли почти сплошь деревянные избы. Стаей ребят мы бегали в расположенный неподалеку Донской монастырь. Внутри мы видели памятники с надписями не на русском языке, а глядя через бойницы, вооруженные самодельными луками, воображали, что отбиваем нашествие татаро-монголов. Тогда еще ребята не играли в войну против фашистов.

За долгую жизнь мне довелось жить и в блочных трущобах времен Н. Хрущева, и в брежневском панельном 9-этажном доме, и в приличном кирпичном доме, как принято говорить, со всеми удобствами. Но в памяти часто мелькает деревянная Москва. Помню, как в августе 41-го мои командиры летчик Мелак и штурман Ящук, спасаясь от погони «мессершмиттов», нырнули в облако. От погони ушли, но сбились с курса. Решили лететь куда глаза глядят, на Восток, домой. Летят, летят и видят: внизу село переходит в село, деревня в деревню. Им повезло – впереди оказался аэродром. Приземлились. К ним подкатил патрульный капитан. Мелак его спрашивает: «Капитан, скажи, что за деревню мы проле-

тели?» Патрульный зло ответил: «Сам ты деревня! Это же Москва!» Да, столица относительно недавно рассталась с деревенским укладом, а на ее карте появились вместе с пролетарскими и революционными названиями районы с традиционными именами бывших деревень, но уже застроенные современными многоэтажными домами.

В чрезвычайно познавательной книге «Символы сталинской Москвы» автор О.А. Зиновьева подробно рассказывает, как строилась современная столица, начиная с 1935 года, когда был принят Генплан реконструкции Москвы. Автор монографии занималась изучением истории Москвы со студенческой семьи, защитила диссертацию в МГУ, и я благодарен ей за радость воспоминаний и возвращения в юношеские годы. Будто в песне Валентины Толкуновой: «Поговори со мною, мама... Мне детство снова подари».

Дело в том, что я со школьных лет пристрастился к путешествиям по Москве. Мать отпускала меня в поездки, выдавая на билет пятак. И приговаривала: «Ты бы, сынок, сидел лучше дома, а на пятак купил бы любимых ирисок». Я отвечал: «Парнишки-оборванцы торгуют конфетами с лотков. Просят за одну ириску пятак. Уж лучше я прокачусь до Пушкинской площади».

...На Пушкинской автобус «Лейланд» (своих мы тогда не производили) делал круг и ехал в обратную сторону. Я рассматривал корпус «Известий», отвесную стену серого монастыря и думал: «А вдруг “Лейланд” забарахлит, будет ре-

монтировать? Домой до Даниловской площади пешком не дойду...» Хотя однажды попробовал спуститься с Пушкинской площади вниз пешком. Увидел, как готовят передвинуть вглубь старое здание Моссовета. Затем толпу людей, стоявших в очереди на посещение Мавзолея, памятник Минину и Пожарскому, храм Василия Блаженного. А дальше, перейдя мост возле Дома правительства и кинотеатра «Ударник», присел на остановке «Лейланда», ожидая автобуса. Не знал, какая улица идет до Серпуховки: то ли Полянка, то ли Пятницкая...

Когда мне купили велик, уже расширили Садовое кольцо и по нему проводились спортивные эстафеты. Я стал им подражать – делал кружок на велике и разглядывал, как идет строительство семи высоток, прозванных позднее «сталинками». И. Сталин, автор Генплана реконструкции Москвы, поощрял строительство рабочих клубов, поселков для работников здравоохранения, ЦАГИ и других, а также стадионов, домов Коммуны, фабрик готовой пищи. И конечно, метрополитена, который вначале назывался именем Л. Кагановича, министра путей сообщения. Генплан исполняли сотни архитекторов и инженеров, не говоря о каменщиках, облицовщиках и прочих рабочих. И сталинский наказ – архитектура должна служить новому социалистическому обществу – стал основой для строительства Москвы.

Сейчас, проживая в Сокольниках, я не устаю удивляться разнообразию архитектуры сталинского периода. Недалеко

от площади Трех вокзалов стоят две «сталинки». Одна из них – гостиница «Ленинградская». Под ней в туннеле пробегают поезда первой линии метро. Как пел Утесов: «Что же это получается... запрягать савраску еду от Сокольников до парка на метро». Другая «сталинка» на станции «Лермонтовская» (теперь снова станция «Красные ворота») выходит фасадом на Садовое кольцо. В двух трамвайных остановках от моего дома в Сокольниках стоит необычный Дом культуры на Русаковской улице. Однажды мы, студенты иняза, отмечали там встречу Нового года. Дом культуры имени И. Русакова похож на два зубца огромной шестеренки. В каждом «зубце» – кресла для зрителей. Автор столь причудливого архитектурного творения – К. Мельников, лауреат декоративного искусства в Париже в 1925 году. Новатора Мельникова отмечали архитектурные издания за рубежом. Он автор четырех оригинальных московских гаражей и трех заводских клубов. Весьма интересен архитектурный стиль его Дворца культуры при кожевенной фабрике «Буревестник» возле парка Сокольники. Туда мы с супругой часто ходили смотреть заграничные кинофильмы. Концертный зал в «Буревестнике» К. Мельников сработал оригинально – наподобие стадиона с боковыми трибунами. В центре – ряды просторных кресел.

Если бы не книга Зиновьевой «Символы сталинской Москвы», я бы не вспомнил пору моих юношеских увлечений и радостей. В книге упоминаются имена архитекторов

и инженеров, которые создали на Шаболовке дорогой для меня жилой комплекс из 17 корпусов. Отцу-бригадиру в виде премии выделили там двухкомнатную квартиру. Просторную, с коридором, где стоял огромный деревянный сундук. Мы с братом натягивали поперек веревку и через нее играли тряпичным мячом. Окна одной комнаты с балконом выходили в сторону сквера и административного корпуса. На его первом этаже располагался детский сад, на втором – библиотека, где я взял первую свою прочитанную книгу. Третий этаж – кинозал с роялем. Там мы смотрели «Чапаева» и устраивали шум, топая ногами, когда в финале появлялась наша конница и мчалась громить белогвардейцев.

ГИБНЕТ СТРАНА

Из всех почти семи лет правления Горбачева 1990 и 1991 годы войдут в историю как самые драматические. Они отмечены всплеском критики перестройки – как справа, так и слева. Кроме того, Горбачев вступил в противостояние со своим недавним коллегой по работе в ЦК – Ельциным. Несмотря на противодействие Михаила Сергеевича, его «друг-враг» не только был избран депутатом, но и председателем Верховного Совета РСФСР. Главный удар Горбачеву он нанес принятием закона о суверенитете республики.

Выпущенный Ельциным из бутылки джинн «суверенизации» опьянил многих удельных князей, которые также поспешили объявить о своей независимости от центра. Позже Ельцин призвал их брать столько суверенитета, сколько они могут «проглотить». Политический язык страны обогатился новым термином – «война законов». Дело в том, что вопреки логике и здравому смыслу республики Советского Союза провозгласили вслед за РСФСР верховенство своих законов над союзными. Ельцин не скрывал своих намерений. Он раздвигал руки в стороны, показывая, каких широких размеров должен быть суверенитет республик, их участие в делах государства. Затем сдвигал ладони, оставляя между ними узкую щель – вот такой, говорил, будет власть президента Горбачева.

Разваливая партию, Горбачев лишил ее руководящей роли в экономике, перетряс кадры, назначая на важные посты своих людей. Но вот демократы захватили Моссовет и Ленсовет, стали задавать тон в российском парламенте и правительстве, оседлали ведущие органы печати и телевидение, начали требовать покаяния от коммунистов и суда над ними. Сопротивлявшихся перестройке одергивал «главный прораб» А. Яковлев. Этот номенклатурщик и партаппаратчик внес в публицистику такие выражения, как «ведьмы перестройки», «кликушество», «мерзопакостные формы», «холопы застоя», «злые духи»... Или такие перлы: «обреченные жить в пещерах», «мелкая суетность», «топтание неугодных».

Горбачев, однако, не ожидал, что окажется уязвимой и его внешняя политика. Уж что-что, а она преподносилась как величайшее достижение новой эры человечества. Доказательство? Горбачев был удостоен Нобелевской премии мира. В действительности лишь на Западе прославляли генсека: за развал социалистического содружества, ликвидацию Варшавского договора, за допуск иностранного капитала на советский рынок, за эмиграцию евреев. Никогда за все 70 лет советской власти Запад не снимал такого урожая, который пожал за годы перестройки. Полковник Алкснис, его коллега Петрушенко и другие союзные депутаты с выкладками в руках доказывали, что к падению коммунистических режимов в Польше и Венгрии приложили руку западные спецслужбы,

которые также натаскивают наших межрегионалов и народные фронты в Прибалтике, как захватить власть. Что первое соглашение между Горбачевым и Рейганом о сокращении ракет средней дальности выгодно американцам, и только им. Что мы поторопились вывести войска из Чехословакии и Венгрии. Что мы просчитались на переговорах о сокращении обычных вооружений в Европе. Что мы оказались втянутыми в американскую авантюру в Персидском заливе.

Горбачев отмахивался от этих обвинений. Он полагал, что совершил триумфальный вояж в Рим и Париж, где сорвал аплодисменты в качестве защитника прав человека. Всюду он выпрашивал милостыню, так как экономическое положение СССР только ухудшалось. И правда, кое-кто плюс Саудовская Аравия подкинули Горбачеву несколько миллиардов долларов в качестве кредита для закупки продовольствия. Не велика заслуга! Нам редко отказывали в подобного рода торговых кредитах, а вот продажам нам технологий, пусть и не первоклассных, препятствовали все 70 лет.

Самой большой сенсацией 1990 года стало открытие IV съезда народных депутатов СССР. Едва председательствующий Анатолий Иванович Лукьянов зачитал повестку дня, как на трибуну поднялась молодая женщина, коммунистка Сажу Умалатова и первой же фразой ошеломила зал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.